СКОВАННЫЕ
Яков Ласкер
18+

Яков Ласкер

Скованные

«Автор»
2026

Ласкер Я.

Скованные / Я. Ласкер — «Автор», 2026

Моше Шалит — инженер, офицер запаса и поселенец. Три года назад его дочь погибла в теракте. Экспериментальная установка позволяет ему на час возвращаться в прошлое, и Моше снова и снова пытается ее спасти. Каждый раз безуспешно.После 7 октября Моше возвращается в свой батальон и вместе с ним входит в Газу. Под Джабалией его подразделение попадает в засаду, устроенную Каримом — инженером ХАМАСа, строителем туннелей. Палец Моше на спусковом крючке. Рука Карима на взрывателе. Еще мгновение — и оба должны погибнуть. Вместо этого они меняются телами.Обмены повторяются. Карим попадает в жизнь Моше: израильская армия, офис компании в Тель-Авиве — мир, который он привык ненавидеть. Моше оказывается в разрушенной Газе и вынужден спасать семью Карима. Смогут ли они понять и принять друг друга?«Скованные» — фантастический триллер о двух врагах, вынужденных увидеть мир глазами друг друга.

© Ласкер Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ралли 5
Глава 2. Машина времени 10
Глава 3. Начало 12
Глава 4. Лена и Лиза 15
Глава 5. Грязные деньги 21
Глава 6. Капланисты 26
Глава 7. Повисший коммит 32
Глава 8. Лаборатория 36
Глава 9. Седьмое октября 41
Глава 10. Туннель 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Яков Ласкер
Скованные

Глава 1. Ралли

Моше проснулся поперек кровати и застонал. Голова раскалывалась, во рту пересохло. Он перевернулся на спину, открыл глаза и уставился на большие настенные часы: «8:10».

Виски. Слишком много виски вчера вечером у Ральфа. Он понимал, что не надо ему столько пить, но не мог остановиться. Ведь всего за пару часов до этого он сорвался на Лену и Лизу и орал, что он не такая безвольная дрянь, как они, что не станет предателем, не бросит свой дом и землю. Шарахнул входной дверью так, что та едва не слетела с петель, и два часа бесцельно слонялся по поселению.

Позвонил Ральф и позвал смотреть футбол: «Хапоэль» играл в каком-то еврокубке. Моше было не до игры, его трясло от злости — на жену и дочь, явно подготовившихся к разговору, на сына, который при первых же признаках скандала привычно ушел к себе. Но сильнее всего — на самого себя. Какого черта он накинулся на них, особенно на Лизу? Зачем орал, будто она готова бросить все, что они здесь построили, и сбежать ради их пресловутой нормальной жизни?

Моше заставил себя встать и, держась рукой за стену, дошел до ванной. Включил холодную воду и долго умывался. Взял зубную щетку, выдавил пасту и стал чистить зубы, глядя на свое отражение в зеркале. На помятом лице блестели воспаленные глаза. Темно-рыжая щетина пятнами проступала на широких скулах и квадратном подбородке.

8:13.

Вернулся в спальню, открыл шкаф, достал рубашку и джинсы, посмотрел на часы. Времени было достаточно, но особенно расслабляться не стоило. Застегнув пуговицы на рубашке, он на всякий случай проверил местоположение жены в «Локаторе» на айфоне — до дома ей оставалось как минимум четыре минуты. Ползет как черепаха, с досадой подумал Моше.

Он спустился в подвал, оборудованный под рабочий кабинет. Машинально проверил графики на двух больших экранах, убедившись, что все параметры в норме и никаких сигналов ночью не поступало. Взял ключи от машины и на мгновение застыл на пороге, словно пытаясь что-то вспомнить. Вроде ничего не забыл. Пора.

8:17.

Белая «шкода-октавия» неспешно вырулила из-за поворота. Он дал Лене подъехать к дому, рывком открыл водительскую дверь, отстегнул ремень безопасности и, схватив своей огромной пятерней за куртку, выдернул жену из машины. Лена застыла на тротуаре:

— Что случилось? Ты куда?

Он захлопнул дверь и рванул вниз, к выезду из поселения.

Узкое двухполосное шоссе спускалось с холма крутыми витками, с резкими перепадами высоты. Моше ездил по нему годами и знал каждый его сантиметр. Но сегодня он не просто ехал — он держал линию, выжимая из трехлетней лизинговой «шкоды» все, что она могла, и еще чуть.

Лет в тридцать он учился раллийному вождению на Кипре. Инструктор, пожилой англичанин с седыми усами, повторял перед каждым заездом: «Remember: in order to finish first, you first need to finish».[1] Но сегодня Моше было плевать на это правило. В голове автоматически

[1] «Remember: in order to finish first, you first need to finish» (англ., букв. «Запомните: чтобы финишировать первым, нужно сначала просто финишировать») — расхожая поговорка в автоспорте, авторство которой приписывается Уолтеру Хейсу,

прокручивались pace notes[2], как будто рядом сидел штурман: «Right 4, brake late, 130 flat, into left 3 minus, tightens, don't cut».[3]

Первый поворот он прошел идеально, прижавшись к внутреннему радиусу, и на прямой разогнался до девяноста. Развилка: «Hairpin left 2, handbrake!» Он дернул ручник, задние колеса заскользили вбок, машина развернулась на сто восемьдесят градусов, и он воткнул первую передачу раньше, чем закончился занос. Чище, чем в прошлый раз. Слепой правый. «Right 2 plus, caution, oncoming!»

Он вылетел из-за поворота и увидел автобус, ползущий вверх по встречной полосе, огромный, сине-белый, занимающий почти всю дорогу. Но Моше и не думал тормозить и, вывернув руль еще правее, прижался к самому краю своей полосы так, что правые колеса съехали на обочину. Автобус промелькнул в сантиметрах от левого зеркала, и Моше успел разглядеть испуганное лицо водителя. Длинный яростный сигнал клаксона разорвал воздух, но «шкода» уже летела дальше.

Адреналин пульсировал в жилах, похмелье исчезло, он наконец чувствовал себя живым. «Left 5 long opens, 200 flat over crest, into right 3». Он проходил повороты один за другим, слыша надрывный вой мотора, свист шин на пределе и осознавая, что в этот раз он попадает в апекс раз за разом. На долю секунды мир как будто запаздывал за его движением. Бросил взгляд на часы: три минуты сорок пять секунд с момента выезда, на пятнадцать секунд быстрее его предыдущего рекорда. Обычно он доезжал до трассы за четыре, в лучшем случае за три пятьдесят восемь.

8:23.

Впереди показался перекресток с основной трассой на Тель-Авив. Метров за сто до него полз старый помятый фургон с палестинскими номерами, белый, облупившийся, еле тянущий свои шестьдесят. Моше, не тормозя, вышел на встречную, обошел фургон и срезал вправо.

Светофор мигнул желтым. Он пролетел через перекресток и наконец увидел свою цель — автобусную остановку и за ней тремпиаду с толпой солдат, ловящих попутку на базу. Светофор зажегся красным. В зеркале заднего вида он увидел, как палестинский фургон послушно остановился.

8:23:30.

Моше сбросил скорость. У остановки толпились религиозные семьи с детьми и колясками, старики с сумками, десятки солдат и солдаток с баулами и автоматами на плечах.

Лиза стояла чуть в стороне от группы солдат, уткнувшись в телефон. Невысокая, ростом в мать; рыжие, как у него, волосы стянуты в тугой хвост, полевая форма, большой жилет ховеша[4] с красным могендовидом, укороченный M16 на плече. Рядом на асфальте лежал рюкзак.

Моше резко затормозил у обочины и крикнул в опущенное стекло:

— Лиза! — Она оторвала глаза от телефона. — Садись, подвезу до базы! — Лиза продолжала стоять на месте, все еще с удивлением глядя на отца. — Да садись же!

Она медленно сунула телефон в карман и пошла к машине. Бросила рюкзак и медицинскую сумку на заднее сиденье, села впереди, положив автомат между колен, и обернулась к остановке:

— Кому-нибудь еще в сторону Ариэля?..

директору Ford Motorsport 1960-х годов.

[2] Пейс-ноутс (англ. pace notes) — штурманские записки в ралли: закодированное описание каждого участка трассы, которое штурман зачитывает пилоту непосредственно перед прохождением поворота.

[3] «Right 4, brake late, 130 flat, into left 3 minus, tightens, don't cut» (англ.) — стандартная запись в пейс-ноутс: правый поворот средней крутизны, торможение с задержкой, прямая на 130 км/ч без сброса газа, затем левый чуть круче тройки, с доворотом, не срезать внутренний радиус.

[4] Ховеш (ивр. שבוח) — военный парамедик

Моше нажал на газ — дверь захлопнулась, Лизу откинуло назад в кресло. Несколько секунд они ехали молча.

Он не выдержал:

— Почему ты не отвечаешь на мои звонки?

— Ты знаешь почему.

— Слушай, но пойми и меня — вы вчера с мамой набросились на меня и…

— Мама хочет переехать в Тель-Авив, я хочу переехать, Эли хочет переехать… А ты один сидишь в этом проклятом поселении. Мы же не просим тебя продать дом — просто снять квартиру на время.

— Эли хочет? Никогда не слышал. Ему-то зачем?

— А ты его спросил? Ты когда с ним последний раз разговаривал?

8:24:07,65.

Сзади раздался удар — тяжелый, глухой, лязгающий, как будто нечто огромное с размаху врезалось в бетонную преграду. Следом еще один — скрежет металла, звук разбитого стекла.

Лиза обернулась: белый фургон въехал в толпу у края тремпиады, перелетев через бетонные столбики заграждения. Остановку заволокло пылью, люди разбегались во все стороны, падали, религиозный мужчина в черном костюме волок за собой двоих детей. Трое солдат бежали к фургону с поднятыми автоматами.

— Папа, назад! Разворачивайся!

Моше продолжал ехать вперед, сжав руль.

— Папа, назад! Останови машину!

Лиза тянулась к рулю, кричала. Моше смотрел прямо перед собой, не снимая ноги с педали газа.

— Папа, разворачивайся, быстро!

Он не успел. Он не хотел возвращаться, хотел поговорить с ней, извиниться, объяснить, но она бы не согласилась, не поняла.

Моше ударил по тормозам, развернулся на месте и, оставив черные полосы шин на асфальте, погнал обратно.

Бросив машину у тремпиады, он выскочил следом за дочерью. Лиза уже бежала к раненым, на ходу доставая инструменты из медицинской сумки.

Фургон застыл вдавленным в бетонные блоки за тремпиадой. Капот смят, лобовое стекло и всю переднюю часть кабины искромсали автоматные очереди. Трое солдат стояли перед фургоном, все еще держа водителя на прицеле. Тот сидел неподвижно, голова откинута на спинку сиденья, грудь и лицо превратились в кровавую кашу. Офицер, старший лейтенант по нашивкам, кричал:

— Не подходить! На нем может быть пояс смертника!

Лиза, не обращая внимания на предупреждение, обежала фургон и остановилась, глядя на тела людей, лежавших вокруг нее. Старик лежал лицом вниз в луже крови; молодой солдат на боку — открытые глаза смотрели в пустоту; женщина средних лет сидела, держась за голову, кровь текла между пальцами. Чуть дальше — еще один солдат с неестественно вывернутой ногой с торчащей костью. Совсем рядом беременная девушка в длинной юбке лежала на спине и тихо стонала.

Лиза замерла, руки дрожали. Сделала глубокий вдох, опустилась на колени рядом со стариком, проверила пульс на шее — ничего. Переместилась к молодому солдату — тоже нет. Вскочила, подбежала к беременной. Девушка, не мигая, смотрела на нее. Лиза прошлась руками по ее телу и остановилась на бедре. Откинула промокшую тяжелую ткань юбки — из глубокой рваной раны пульсировала кровь.

— Папа, жгут из сумки! Быстро!

Моше полез в медицинскую сумку и нашел жгут. Лиза обмотала его выше раны на бедре, продела конец в петлю и затянула, вращая вороток: раз, два, три оборота… Кровотечение замедлилось. Еще оборот… Остановилось.

— Держись, у тебя все будет хорошо, — сказала она девушке. — Папа, бинт!

Он достал бинт, протянул. Лиза накрыла рану, прижала:

— Держи здесь. Вот так, не отпускай.

Он опустился на колени, положил руки поверх ее рук, пытаясь понять, как сильно нужно давить. Лиза отпустила, вскочила и побежала к женщине с раной на голове. Та сидела, раскачиваясь, кровь заливала лицо.

— Не двигайтесь. Голову назад.

Лиза взяла новый бинт, прижала к ране и стала быстро обматывать голову. Женщина застонала.

— Потерпите, еще немного.

Закрепила повязку, убедилась, что не слишком туго, перешла к солдату с открытым переломом. Моше все еще давил на рану беременной девушки, но, не отрываясь, смотрел на дочь. Она опустилась рядом с солдатом, осмотрела ногу, вытащила из сумки салфетки и стала аккуратно накрывать торчащую кость, не пытаясь вправить.

— Папа, сюда!

Моше осторожно переложил руки беременной на рану:

— Держи, вот так.

Он подбежал к Лизе. Та подобрала две доски у разбитой остановки и принялась накладывать шину.

— Держи ногу. Не дай ей двигаться.

Моше схватил ногу солдата. Лиза быстро примотала шины бинтом, закрепила.

Рыжие волосы выбились из хвоста и лезли в глаза. Она смахивала их рукой, размазывая кровь по щеке, и уже бежала к следующему раненому. Моше захлестнула волна гордости, смешанной со щемящей грустью.

— Сестра! Сестра, помоги! — позвала беременная девушка слабым голосом.

— Иду, иду!.. Что случилось? — Лиза опустилась рядом с ней на колени, проверила жгут, взяла девушку за руку. — Я здесь. Все будет хорошо. «Скорая» уже едет, слышишь сирену?..

Моше опустил взгляд. В нескольких метрах от него на асфальте валялся смартфон, экран покрывала паутина трещин, но подсветка еще горела. Рядом лежал совсем молодой солдат, лет двадцать, может, чуть старше. Лицо залито кровью, глаза закрыты. Он не дышал.

Моше посмотрел на Лизу. Она склонилась над беременной девушкой, спиной к нему, гладила ее по руке, что-то говорила, успокаивала. Он поднял телефон. Экран мигнул. «Разблокировать с помощью Face ID». Моше наклонился к солдату, взял голову за подбородок, повернул лицо к экрану телефона, разжал веки большим и указательным пальцами. Телефон завибрировал. «Разблокировано». Он открыл настройки и нашел номер владельца. Несколько раз повторил его, запоминая.

Сирена взвыла совсем рядом. К обочине подлетел амбуланс, из него выскочили парамедики в оранжевых жилетах, на ходу разворачивая носилки.

— Сюда! Эту первой! — Лиза показала на беременную.

Они быстро подняли девушку на носилки, зафиксировали ремнями и понесли к машине.

Лиза схватила свой автомат и рюкзак:

— Я поеду с ними.

Она уже залезала в «скорую», когда Моше крикнул:

— Береги себя! Я люблю тебя!

Лиза обернулась. На ее лице смешались решимость, ужас, усталость и страх, но она все-таки улыбнулась:

— Пока, папа. Позвоню, когда доберусь до базы.

Двери захлопнулись. «Скорая» отъехала от остановки и исчезла за поворотом. Подъезжали новые амбулансы, фельдшеры бежали к раненым, полицейские разворачивали желтую ленту ограждения. Со всех сторон неслись крики и плач. Запах крови, жженой резины и пороха.

Адреналин ушел, остались лишь усталость и пустота. Руки по локоть были в крови — чужой крови, подсыхающей, липкой. Ему здесь больше нечего было делать. Он сунул руку за пояс, нащупывая знакомую кожу кобуры. Пусто — пистолет остался дома в сейфе. Так вот что он забыл, когда застыл на пороге кабинета.

Моше огляделся. Взгляд скользнул по телам на земле, фельдшерам, уезжающим машинам «скорой помощи» и остановился на M16 в нескольких метрах от него. Оружие лежало на боку, магазин вставлен, затвор закрыт.

Он подошел и поднял автомат. Левая рука привычно легла на круглое шершавое цевье, правая — на рукоять. Мышечная память тридцати лет резервистских сборов, сотен часов на стрельбище.

Вокруг него все продолжало двигаться, кричать, суетиться, но Моше больше ничего не слышал — он смотрел на автомат в своих руках. Передернул затвор, поднес ствол к подбородку, холодный металл уперся в челюсть.

Интересно, будет очень больно?..

Он снял автомат с предохранителя и нажал на спусковой крючок.

Глава 2. Машина времени

Моше открыл глаза, снял тяжелые очки виртуальной реальности. В голове неприятно шумело, во рту стоял металлический вкус крови: опять прокусил язык.

Умереть от выстрела в голову оказалось совсем не больно. Просто щелчок: нажал на спусковой крючок — и вот он здесь, в лаборатории SkyLight. Четыре утра, тишина.

Не то что в первый раз, когда он столкнулся с тем самым автобусом на узком повороте. Сломанные ребра проткнули легкие, и он десять минут задыхался в искореженной «шкоде». Люди выскочили ему на помощь — кричали, дергали заклинившую дверь. Моше уже тогда догадывался, что смерть в прошлом не приведет к его гибели в настоящем, но на всякий случай пытался дотянуть до конца часа. Не дотянул. Он слышал собственное хриплое дыхание, чувствовал металл, впившийся в бок, видел, как кровь заливает приборную панель. Так больно и страшно ему, наверное, не было никогда в жизни, и после этого он три дня не прикасался к очкам. Потом он погиб еще дважды, но выстрелить себе в голову решился только сегодня.

Он записал номер телефона погибшего солдата в блокнот: Гилад. А фамилия?..

Прикрыл глаза.

Шива проходила в тесном домике в Петах-Тикве, куда они приехали на следующий день после похорон Лизы. Родители сидели на низких стульях — отец с седой бородой, мать в темном платке. Младший брат Илан стоял в углу и пытался сдержаться, но то и дело начинал плакать; примерно ровесник Лизы. Они в тот день просидели там допоздна, вспоминая своих погибших детей. Больше он их никогда не видел.

Моше посмотрел на записанный номер. Позвонить по нему сразу, как проснется в прыжке? Но сначала надо понять, как быстрее отойти от похмелья. И звонок не сработает: постороннему человеку Гилад не поверит, решит, что это пранк, и бросит трубку. Или просто не ответит на незнакомый номер.

А если послать сообщение? По WhatsApp: «Передай трубку рыжей девушке, военному медику». Звучит как бред.

Нет, Гилад должен сам подойти к Лизе. Нужен повод — такой, чтобы он не стал раздумывать.

А если сделать так, будто это Лиза ему пишет?..

«Привет, твой брат Илан дал мне этот номер. А ты симпатичнее, чем на фотках. Посмотри перед собой — рыжая с сумкой медика».

Гилад не знает номера Лизы — откуда ему знать, они же никогда не встречались. Молодому солдату пишет симпатичная девушка, говорит, что номер дал его брат. Он поверит, оглянется и подойдет познакомиться.

И тогда Моше позвонит и попросит передать трубку. Тринадцать минут с Лизой: нужно будет убедить ее отойти от остановки. Хотя она все равно туда побежит. Или нет?..

А если эти параллельные миры продолжают существовать и после его ухода? Если в одной из веток она останется жива? Он вернется сюда, а у нее там наступит следующий день. И еще один.

Только бы Гилад отдал ей телефон.

Моше повернулся к машине. Серый металлический шкаф — LaserSkyControl, метра в полтора высотой, с рядами индикаторов и дисплеем на передней панели. Он работал над этой системой с самого начала, с тех пор как Борис Лемнев десять лет назад вытащил его из «Эльбита» в свой новый стартап SkyLight. Тогда компания состояла из горстки энтузиастов, а теперь в ней работали сотни людей. Но это по-прежнему была его машина, он писал для нее драйверы, API, внутреннюю операционную систему — все, что превращало железо в работающий продукт.

Под пальцами защелкали клавиши. Система откликнулась знакомым гулом силовых блоков. Индикаторы один за другим загорались зеленым. Температура в норме, напряжение стабильно, емкостные накопители заряжены.

Он взял очки виртуальной реальности, надел, затянул ремешки. Темнота накрыла его. Кожу слегка покалывало, от работающей установки шло тепло — знакомые ощущения перед прыжком. Сосредоточился на моменте: утро десятого сентября две тысячи двадцатого. Восемь-десять, спальня. Он тянется к телефону и понимает: проспал, Лиза уже уехала на базу.

Моше ждал, но ничего не происходило.

Черт, он исчерпал лимит! Машина допускала только три прыжка в двадцать четыре часа. После третьего приходилось ждать, пока с первого пройдут сутки. На это ограничение он наткнулся случайно и сначала решил, что установка сломалась, но вскоре выявил закономерность — три попытки, не больше.

Моше стянул очки и уставился в потолок. Он так торопился проверить новый план с Гиладом, что совсем забыл про лимит.

Завтра. Завтра у него снова будут три попытки.

И тринадцать минут с Лизой.

Глава 3. Начало

На прошлогодней пляжной вечеринке Борис объявил о назначении Моше руководителем нового подразделения — Innovation Labs. Вытащил его на сцену, обнял за плечи и что-то нес в микрофон про передовые технологии и незаменимых людей. Все вокруг свистели и хлопали, Моше улыбался, чокался холодным пивом и принимал поздравления. Но он понимал, что это значит: Надав, соучредитель и генеральный директор, давно хотел его убрать. Моше никогда не умел быть своим в команде, а после смерти Лизы с ним стало совсем тяжело работать. Борис не хотел увольнять старого друга, к тому же систему так, как Моше, не знал никто. Поэтому он и придумал для него Innovation Labs — удобную клетку с красивой табличкой, где старый ворчун никому не будет мешать и, если повезет, еще принесет пользу.

Моше было все равно. В подвале поставили небольшую версию лазерной установки, и мотаться в тель-авивский офис больше не приходилось. Можно было запереться дома и спокойно ковыряться в железе.

Лена и Эли к тому времени уже уехали — без скандалов, без адвокатов. Они с женой даже не оформили развод, просто договорились, что так будет лучше. Лена хотела быть ближе к работе в «Ихилове»; она и дома всегда говорила тем же ровным, спокойным голосом, каким, наверно, сообщала родственникам дурные новости в больнице. Эли поступил на какие-то вечерние курсы в Тель-Авивском университете — дизайн или что-то такое. Отрастил волосы, вечно таскал с собой папку с рисунками и в редкие приезды почти не разговаривал с отцом. Моше платил за квартиру и учебу. Дом остался за ним, и его это устраивало.

В начале июля пришла посылка с очками виртуальной реальности и запиской Бориса: «Все говорят про VR, но я понятия не имею, как этоинтегрировать с нашей лазерной технологией. Разберись, я в тебя верю! Борис».

Тогда, три месяца назад, Моше еще понятия не имел о путешествиях в прошлое. Не знал, что каждый раз у него будет только час, а после третьего прыжка придется ждать, как бы сильно он ни хотел вернуться к Лизе.

Коробку с оборудованием он открыл в тот же вечер. Отпил виски и, захватив с собой бутылку, спустился в подвал. Достал очки и повертел в руках: тяжелый титановый корпус, широкие ремешки — профессиональная модель, не игрушка. Куда бы их пристроить? Он поднял взгляд. Над столом висел рисунок Эли — обычный лист, приколотый кнопками, сын подарил его Моше на пятидесятилетие. Геометрические фигуры то складывались в одно целое, то снова распадались. Моше так и не понял, что это значит, и не спросил. Он снял лист, убрал в ящик стола и вбил на его место крючок для очков.

В последнее время он часто думал об отце. Семен Шалитов был инженером-вычислителем, скорее математиком, чем программистом, в те времена, когда компьютеры были прежде всего счетными машинами. Работал в большом исследовательском институте — что-то автомобильное или тракторное. Когда Моше было лет четырнадцать, отец взял его к себе на работу и с гордостью показал ЭВМ ЕС-1022, советскую копию IBM 360. Моше стоял в дверях машинного зала и смотрел на ряды серых шкафов, на катушки магнитной ленты, на панель с мигающими лампами. Пахло озоном и горячим железом. Через год он написал на Фортране простенькую карточную игру, сам набил перфокарты, загрузил их в машину и завороженно следил, как грохочущий принтер строчка за строчкой печатает партию на широкой бумажной ленте.

Жаль, что отец не увидел, до чего сейчас дошла технология. Смартфон в кармане в миллион раз мощнее тех шкафов, а обычная флешка содержит больше информации, чем все его диски и ленты, вместе взятые. Отец не поверил бы. Моше поймал себя на том, что мысленно показывает ему систему, слышит его вопросы, видит это редкое выражение лица: гордость, восхищение и еще что-то, чему он так и не нашел названия.

Он сел за стол и запустил программу управления лазером. Установка в углу ответила низким гулом силовых блоков, звук шел по полу и отдавался в ступнях. Надел очки, дождался, пока на внутреннем экране один за другим вспыхнут зеленые индикаторы, и стал листать параметры. Температура, напряжение, заряд накопителей — все в норме. Он сидел и думал об отце, уже почти не замечая цифр.

В памяти почему-то всплыла дача Олега, где-то недалеко от окружной. Они с отцом приехали туда на велосипедах через лес, начинавшийся почти у самого их дома в Измайлово. Олег с сыном Сашей ждали у ворот и сразу потащили смотреть пристройку, законченную в прошлом месяце. Небольшая терраса с деревянным полом и застекленными рамами еще пахла свежей краской и смолой. Внутри было неожиданно светло. Отец похвалил.

Они сели обедать на веранде, спрятавшись в тени от московского весеннего солнца. Олег заведовал кафедрой в Бауманке, и разговор быстро перешел к тому, куда Моше имеет смысл подаваться в следующем году.

— Забудьте про МГУ и Физтех, — сказал Олег, разливая чай. — И в Бауманку не суйтесь.

— Почему? — спросил отец, хотя он прекрасно знал почему.

— Ну как почему… У него же нос в скафандр не пролезает!

Отец засмеялся. Моше тоже, хотя шутку слышал уже сто раз.

— МИИТ, — продолжал Олег. — Или МЛТИ.

— МЛТИ? — Моше удивленно поднял брови.

— Лесотехнический институт. Там хорошая кафедра прикладной математики, серьезные люди. Правда, это в Мытищах, за городом. Так что МИИТ или, на худой конец, МИСИС.

Жена Олега принесла клубнику со сливками и поставила блюдо на середину стола. Разговор оборвался. Моше отложил ложку, пододвинул к себе тарелку и наклонился над ней. Отец легко щелкнул его по затылку, и он ушел лицом в сливки. Подняв голову, он увидел смеющееся лицо отца и тоже не удержался от смеха.

Он словно наблюдал за собой со стороны, ощущал, как его тело тянулось к тарелке, смеялось, дышало само по себе. Но запах сливок был настоящим, шершавое дерево стола приятно царапало ладони. И отец смеялся, запрокинув голову — именно так, как его помнил Моше.

Олег пару секунд смотрел на них, потом повернулся к сыну:

— Ты бы надулся на три дня. А Мишка сидит и смеется.

Саша промолчал, не поднимая глаз от тарелки.

На обратном пути они не поехали сразу в Москву, а свернули в глубь леса по боковой тропинке. Колеса шуршали по хвое, изредка ломая сухие ветки. Пахло смолой и прогретой землей. Руки на руле, легкое покалывание в ногах от долгой дороги, тень от сосен, полосами ложившаяся на тропинку, — все это было на удивление настоящим, осязаемым, плотным.

Отец остановился на небольшой поляне, прислонил велосипед к дереву, достал из сумки портативный коротковолновый приемник и стал плавно крутить ручку настройки. Сквозь треск и свист помех то и дело прорывались обрывки голосов, пока он наконец не поймал чистый сигнал. Они всегда слушали «Голос Америки» в лесу: здесь глушилки работали слабее.

Диктор говорил спокойно, размеренно, чуть мягче, чем в советских новостях, с паузами между предложениями:

— Вчера, восьмого мая тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, в Москве состоялось учредительное собрание «Демократического союза». Впервые в истории Советского Союза группа граждан открыто провозгласила создание независимой политической партии.

Отец убавил громкость:

— Я был там вчера. Меня как дружинника вызвали — порядок обеспечивать. Внешнее кольцо, третье. Во втором милиция, в первом КГБ… — он сделал паузу. — Ты представляешь, что это такое — стоять в оцеплении и смотреть, как они идут? Пешком, лица открыты… Чело-

век пятнадцать, может, двадцать. Они знали, что мы там стоим. Знали, что их фотографируют. И все равно шли.

— А сколько вас было?

— Несколько сотен точно, а то и больше, — отец покачал головой и усмехнулся. — Понимаешь, я стоял и думал: нас тут всех нагнали ради этих двадцати человек. Власть, видно, сильно испугалась… Но ведь и не арестовали. В интересное время живем, Мишка.

Отец поправил велосипед у дерева и продолжил привычным лекторским тоном:

— В настоящей демократии должно быть несколько партий. Конкуренция, выборы, а не пустой ритуал, как у нас.

— Ну да. И еще — свободная пресса, БАГАЦ, главенство закона, разделение законодательной и исполнительной власти. Это называется системой противовесов. Хотя у нас нет разделения законодательной и исполнительной…

Отец с трудом удержал в руках падающий велосипед:

— Что за БАГАЦ? И откуда…

— Бейт мишпат гавоа ле-цедек — высший суд справедливости. Он даже может отменять решения правительства, что, я считаю, неправильно. Если мы выбрали Биби, то пусть он уже делает то, что хочет большинство. И вот что я тебе скажу. Вся эта твоя свобода и демократия имеет цену. И иногда слишком большую цену. — Моше уже не ждал ответа. — Мы, видите ли, не можем держать человека в тюрьме всю жизнь, даже если знаем, что он из ХАМАСа. Негуманно, недемократично. А в итоге эта мразь выходит по какой-нибудь сделке и врезается в тремпиаду. Безответственные придурки эти судьи! Никто из них даже не извинился, не пришел на шиву, не покаялся. Торжество закона, чтоб они сдохли!

— Сынок, Мишенька, что ты говоришь? Какая мразь, какая тремпиада? Что это вообще такое? Что происходит?

— Зачем ты поехал на озеро с Ильей?

Отец открыл рот. Закрыл.

— Вас искали три дня. Три дня, папа! ОВИР уже дал разрешение. После отказов, очередей, после того как тебя выперли из института… После всего этого ты сел в «запорожец» и поехал рыбачить на свое гребаное озеро.

Отец стоял не двигаясь. Рука лежала на руле велосипеда.

— Заехать на лед в конце марта — это как бы не самая умная вещь. Но ты, видите ли, не мог упустить свою последнюю зимнюю рыбалку в России. К тому же твой друг Илья — крупнейший в своем роде эксперт по подледному лову!.. — голос Моше сорвался. — Потому что ты всю жизнь так делал — доверял: людям, погоде, льду…

Отец смотрел на него, словно пытаясь понять хоть одно слово на незнакомом языке.

— Осторожнее в жизни нужно быть, а не мечтать о светлом будущем и свободе. Не стоит твоя свобода жизни людей.

Он замолчал. В лесу повисла тишина, только где-то далеко стучал дятел.

Отец шагнул ближе и осторожно положил ему руку на плечо:

— Миша...

Час закончился. Моше очнулся в подвале, в темноте, очки все еще давили на лицо.

Глава 4. Лена и Лиза

Моше снял очки и с минуту просидел неподвижно, тупо глядя на пустой экран.

Как он умудрился заснуть за рабочим столом? Но какой невообразимо живой сон! Он помнил запах хвои на лесной тропинке, шершавое дерево стола на веранде, скрежет педалей тяжелого советского велосипеда, мягкую речь диктора из транзистора сквозь треск помех. И папин голос, и как он смеялся, запрокинув голову.

Зачем он наорал на него? Вместо того чтобы радоваться, что ему снится отец, да еще так долго и реалистично, ему обязательно нужно было сорваться. Отца нет уже более тридцати лет. Он же собирался про айфон ему рассказать, при чем тут вообще «запорожец», озеро, лед…

В ту ночь он еще был уверен, что все это ему просто приснилось.

Моше взглянул на часы — было уже за полночь. Рядом с клавиатурой стояла наполовину пустая бутылка виски. Он сделал последний глоток, встал, выключил свет в подвале и пошел спать.

* * *

Он еще спал, когда его разбудил звонок Эйтана:

— Моше, прости за беспокойство. Мы на полигоне Пальмахим, лазер промахивается метра на два, а то и три. Уже четыре цели потратили. Клиент нервничает, Надав приехал.

— А Борис?

— Он с нами еще с утра.

— Пусть сделают разрешение на въезд.

— Сейчас уже не успеем, это заранее нужно, ты же знаешь. Я тебя подберу — звони, как подъедешь.

Эйтан забрал его от ворот базы и уже в джипе обрисовал ситуацию: все параметры в норме, датчики на всякий случай заменили, сообщений об ошибках нет, три раза запускали диагностику. Модуль наведения показывает попадание, а лазер бьет мимо цели. Все на нервах.

Моше слушал, не перебивая, только упирался ладонью в спинку переднего сиденья на каждом ухабе. Но в итоге не удержался:

— Надав уже спросил, почему, как всегда, в самый важный момент у вас ничего не работает?..

— Ну как же без этого…

— Пробовали прогнать через Claude?

— Да. Много текста, мало толку… А вот мы и приехали.

Два разработчика возились у контрольной панели, лениво просматривая логи, уже явно не надеясь самостоятельно решить проблему.

Надав и какой-то полковник стояли поодаль, что-то воодушевленно обсуждая.

— Развлекает клиента? — пробормотал Моше. — Тут он мастер, конечно.

Моше подошел к системе, запустил несколько команд и долго смотрел логи. Наконец повернулся к Эйтану:

— Скажи, а что ты делал перед первым запуском сегодня утром?

— Да там была нестабильность в калибровке, знаешь, как иногда бывает после транспортировки. Небольшой дрейф, но я на всякий случай подключился через свой ноутбук и поправил. Систему мы потом полностью перезапустили.

Подошел Надав:

— Наш спаситель приехал! Ну что, нашел что-нибудь?

Моше неопределенно кивнул и театральным жестом выключил ноутбук Эйтана.

— Запускаем тест.

— Ты уверен?

— Давайте цель.

Следующий пуск — попадание. Еще один — попадание.

Надав вопросительно посмотрел на Моше:

— Объясни.

— Понимаете, в системе есть старый легаси-модуль репортинга. Формально он не участвует в основном цикле управления, но использует ту же шину событий. Так сделали еще в самом начале разработки…Так вот, когда Эйтан, не подумав о последствиях, поднял отладочный канал со своего ноутбука, служебный трафик пошел наружу через VPN. Задержка крошечная — восемь, может, десять миллисекунд. Но для такой платформы этого хватает, чтобы петля стабилизации промахивалась ровно так, будто у вас железо поехало. С системой все нормально.

Он сказал все это, глядя Надаву в глаза, будто говорил только с ним. И добавил как бы между прочим, что еще два года назад предлагал сделать так, чтобы система показывала, где возникают задержки. Письменно — переписку можно поднять, если кому интересно. Тогда решили, что технический долг, как всегда, может и подождать.

— Спасибо, Моше, — сухо сказал Надав и зашагал к полковнику, нацепив на лицо радушную улыбку.

Борис взял Моше под локоть и отвел в сторону:

— Молодец, круто. Но зачем эти никому не нужные наезды?

— Я просто объяснил, в чем проблема.

— Ты все прекрасно понимаешь — я не могу бесконечно тебя прикрывать.

— Хорошо. Я здесь нужен?

— Нет, еще раз спасибо.

* * *

Приехав домой, он заказал пиццу и, усевшись в садике перед домом, поглощал ее кусок за куском, запивая холодным пивом из жестяной банки.

Моше вдруг понял, что вчерашний сон не выветрился, он держался в голове с такой же упрямой четкостью, как неприятный разговор или фраза, которую никак не можешь забыть. Обычно сны разваливались через несколько минут после пробуждения, какими бы яркими ни были и как бы он ни пытался за них зацепиться. Но он до сих пор видел, как свет играет между соснами на лесной поляне, чувствовал запах свежей краски на веранде у Олега. А вот отец ловит падающий велосипед, и клубника в тарелке… Голос диктора из транзистора.

И как это он вообще умудрился заснуть?

Он спустился в подвал. Сел за стол и долго смотрел на LaserSkyControl в углу.

Сначала нужно восстановить последовательность его вчерашних действий. Удивительно, но он помнил сон гораздо детальнее, чем то, что происходило до него. Что же он тогда сделал?.. Так… Запустил программу, ждал, пока индикаторы один за другим загорятся зеленым. Надел очки — точно, он же проснулся в очках.

Он запустил систему и надел очки. Темнота перед глазами, знакомое покалывание на коже, тепло от работающей установки. Там же было что-то еще… Черт, это так рядом, но ускользает… Телефон! Он хотел рассказать отцу про новые технологии, про смартфон! И вспомнил, как они ехали на дачу к Олегу. Он, как всегда, отдал отцу свой спортивный велосипед «Турист», а сам пересел на тяжелую и неповоротливую «Украину»…

Яркий солнечный свет ударил в глаза. Отец неторопливо ехал перед ним, аккуратно объезжая коряги и камни, то и дело попадавшиеся на лесной дорожке.

Он и на этот раз не перехватывал управление и лишь с наслаждением ощущал, как его молодое тело делает все само: жмет руку хозяевам, смеется над старой шуткой про нос и ска-

фандр, зарывается лицом в тарелку со сливками на веранде, радуется зависти Олега и гордому взгляду отца.

На обратном пути они остановились на поляне, отец прислонил велосипед к дереву и достал из сумки портативный коротковолновый приемник. Покрутил ручку настройки. Голоса, треск, свист помех — и наконец чистый сигнал. Голос диктора… Учредительное собрание «Демократического союза»…

Отец убрал руку от приемника:

— Я вчера был там. Меня как дружинника вызвали — порядок обеспечивать. Человек пятнадцать, может, двадцать. Они знали, что мы там стоим. Знали, что их фотографируют. И все равно шли…

Моше смотрел на отца — на то, как он держит руку на руле велосипеда, как подбирает слова, на горящие глаза, на эту его редкую смесь серьезности и почти мальчишеского воодушевления.

— В настоящей демократии должно быть несколько партий. Конкуренция, выборы, а не пустой ритуал, как у нас…

Семен заговорил снова. Он рассуждал о том, что свобода начинается с маленьких вещей: с права открыто говорить то, что думаешь, права собраться на улице. Что все остальное — потом. Что история движется медленно, но меняют ее именно такие люди, и потому эти двадцать человек сегодня важнее, чем тысячи в оцеплении вокруг них.

— А ты мне разрешишь сходить в этот раз с друзьями к синагоге на Симхес Торе? Свобода начинается с маленьких вещей!

Отец посмотрел на него, улыбнулся:

— Я подумаю.

Моше сорвал очки. Еще миг на фоне бетонной стены призрачно светились нагретые солнцем стволы, но видение быстро растаяло, уступив место ровному мраку подвала.

Нет, это не сон — он ведь даже заснуть не успел. Надел очки, подумал об отце — и снова оказался на той лесной дороге.

Но что же тогда?

На столе завибрировал телефон. Ральф.

— Моше, ты дома?

— Да.

— Подойдешь помочь? Там у меня дыра в крыше образовалась, одному никак.

Моше посмотрел на очки.

— Сейчас?

— А ты занят?

— Нет, сейчас приду.

С крышей провозились до темноты. Потом Ральф уговорил его остаться на ужин, достал пиво. Моше рассказывал про утреннюю поездку на полигон, про Эйтана с его ноутбуком и перепуганного Надава. Про очки говорить не стал, сначала самому бы понять.

Домой он вернулся около одиннадцати. Принял душ, переоделся и спустился в подвал.

Очки лежали там, где он их оставил.

— Ну что, попробуем еще раз.

Он сел в кресло и запустил систему. Прыжок…

Моше сидел на белом больничном стуле в палате родильного отделения. Небритый, в мятой рубашке, с красными глазами — он провел всю ночь у операционной. Лену до сих пор не привезли из реанимации: роды прошли с осложнениями, давление упало прямо на столе. Часов в пять утра хирург вышел и сказал, что все будет хорошо: она уже стабильна, все, что должно было остаться внутри, там и осталось. Моше оперся спиной о стену и медленно сполз по ней на корточки прямо в коридоре, провожая взглядом уходящего врача.

Медсестра принесла Лизу — маленькую, завернутую в белое одеяльце так, что выглядывало только лицо. Он принял ее на руки — неловко, напряженно, как человек, который первый раз в жизни держит ребенка. Медсестра протянула бутылочку с Similac и строго предупредила: не больше двадцати миллилитров, двадцать — и стоп, понятно?

Лиза схватила соску с неожиданной силой и стала пить — мощно, с усилием, будто сражалась. Моше тревожно вглядывался в деления на прозрачном пластике: она сейчас выпьет всю бутылку! Он осторожно отнял бутылочку и с удивлением увидел, что уровень смеси едва сдвинулся от максимальной отметки. Ну слава богу! Дал снова. Лиза присосалась с еще большей энергией. Он выждал секунд тридцать и снова отнял. Черт, тот же уровень! Лиза смотрела на него с возмущением, которое умеют выражать только новорожденные. Он опять сунул соску, но девочка уже устала. Губы еще несколько секунд шевелились по инерции, словно заглохший моторчик, и вскоре она уснула.

Моше растерянно смотрел на нее, крошечную, в своих огромных руках. Разбудить? Он оглянулся в поисках медсестры — и тут увидел Лену. Ее везли в инвалидном кресле по коридору, бледную, с капельницей на штативе, но она уже улыбалась и что-то говорила ему издалека. Он подошел, показал Лизу, стал объяснять про двадцать миллилитров и про то, что не мог разглядеть уровень в бутылочке. Они оба смеялись; Лена заплакала, он обнял ее и поцеловал в лоб…

Больница пропала. Моше откинулся на спинку компьютерного кресла. Впервые за долгое время вместо привычной пустоты по телу разливалась тихая, согревающая радость.

Он сразу понял, куда хочет попасть, и запустил следующий прыжок, не снимая очков.

* * *

Моше обхватил тридцатикилограммовый ящик с медом обеими руками, оторвал от пола и развернулся. Нога зацепилась за край поддона, он качнулся и чуть не упал на спину.

— Осторожнее там!

Он выровнялся и крикнул, тяжело дыша:

— Извините, товарищ начальник!

— Роберт, помоги ему! Несите вместе.

Но Моше уже развернулся, опустил ящик на пол, водрузил сверху второй и понес оба к конвейеру.

— Твою мать, Моше! — начальница смены схватилась за голову. — Это же шестьсот шекелей меда! Если уронишь, из моей зарплаты вычтут!

Моше аккуратно поставил ящики перед ней. Невысокая, худенькая, с короткими черными волосами, она даже не подняла головы. Он выпрямился, показывая бицепс:

— Мы спортсмены, начальник! Вперед, ребята, а то мы до утра не управимся!

Перед Рош ха-Шана цех «Элит» работал на пределе. Под ярким промышленным светом тянулся длинный конвейер, пахло карамелью, шоколадом и картоном. Американские евреи заказали тысячи подарочных наборов, и на ночную смену наняли всех, кого смогли. Девушки собирали корзины, парни таскали коробки и выставляли товар на ленту. Для нового репатрианта-студента пятьдесят шекелей за ночь казались сказочным богатством.

Лена числилась такой же временной работницей, как и остальные, но за два месяца работы успела стать руководителем смены. Она ходила вдоль конвейера, проверяла комплектацию корзин, подгоняла и подбадривала уставших ребят и девчонок:

— Галя, вина две бутылки, не одну! Смотри в список!

— Парни, давайте веселее, через полчаса перерыв!

— Гай, ты что, заснул?

Моше весь вечер пытался ее рассмешить. Он то голосом диктора советского телевидения объявлял: «Трудящиеся фабрики „Элит“ с энтузиазмом выполняют план по упаковке подароч-

ных корзин», — то пытался жонглировать пачками вафель, что-то напевая на иврите, коверкая слова.

Лена не смогла удержаться от улыбки:

— Тащи ящик, артист. Еще три часа до конца смены.

К пяти утра они наконец освободились. Местные расходились пешком, остальные ждали у ворот развозку от «Элит». Лена сидела за столом в углу цеха и заполняла какие-то формы, считала, сверяла с актами. Моше остановился у выхода, постоял и вернулся:

— Тебе помочь?

Она подняла глаза: он уже не шутил, не прикалывался, просто стоял и ждал ответа.

— Ты умеешь считать?

— Учусь на программиста в Тель-Авивском университете.

— Молодец. Садись. Вот эти накладные нужно сверить с тем, что мы отгрузили.

Он подбивал цифры, она сверяла с нарядами и ставила подписи. Лена пробежала глазами по листу и что-то отметила ногтем. Руки у нее были маленькие, суховатые, чуть жесткие. Оторвавшись от бумаг, она подняла на него прямой спокойный взгляд карих глаз:

— Ты давно в Израиле?

— Год и три месяца.

— Откуда?

— Из Москвы. С мамой приехал, отец умер еще там. А ты?

— Ленинград. Одна. Родители остались, отец не хотел уезжать.

— Почему?

— Они врачи, отец еще и преподает. Тридцать лет в одной больнице. Говорит, что слишком поздно начинать все сначала.

— И ты решила уехать одна?

Она пожала плечами:

— Не могла больше сидеть там и слушать эту партийную чушь.

— Да, они всех достали уже своим враньем.

В половине шестого они вышли на улицу. У ворот фабрики стояло такси, водитель курил, прислонившись к капоту.

— Твое тоже здесь? — спросила она.

— Нет, уже уехало. Ничего, автобусом доберусь.

— Слушай, давай вернемся, может, есть кто на дежурстве, попрошу тебе заказать.

— Не надо, правда. Тут рядом остановка, первый автобус без четверти шесть.

Он понятия не имел, во сколько первый автобус.

Водитель нетерпеливо махнул рукой. Лена нерешительно посмотрела на такси.

Моше наконец набрался смелости:

— Слушай, а можно мне твой номер? Я позвоню как-нибудь.

— Я в общежитии живу. Там нет телефонов в комнатах.

Водитель что-то раздраженно кричал. Она уже взялась за ручку машины, но вдруг обернулась:

— А у тебя есть домашний?

— Да.

— Дай номер. Я позвоню вечером.

Она повторила номер, кивнула и открыла дверцу.

— Спасибо за помощь! — крикнула она уже из машины.

Моше стоял у ворот и смотрел, как красные огни исчезают за поворотом. Развернулся и пошел к центральной автобусной станции. Воздух был свежим и влажным после ночи, улицы пустовали, а небо на востоке только начинало светлеть. Первый автобус будет не раньше, чем

через час, но ему было все равно. Он шел медленно, засунув руки в карманы джинсов, насвистывая себе под нос какую-то дурацкую детскую песенку…

Час закончился.

Он достал телефон и позвонил Лене. Она взяла трубку, голос звучал глухо на фоне шума мотора и включенного радио.

— Едешь куда-то? — спросил Моше.

— Да, в такси.

— Как у вас?

— Все нормально. Как ты?

В голове у него был конвейер, коробки с медом, ее смеющееся и немного смущенное лицо. Он хотел ей что-то сказать, но сам не знал что.

— Моше, что-то срочное? У меня вызов на операцию. Я уже у входа в «Ихилов».

Он на секунду застыл с телефоном в руке:

— Нет, ничего важного. Просто хотел спросить, как вы там. Давай завтра.

Она повесила трубку.

Моше поднялся в гостиную. Откупорил новую бутылку, уселся на диван, включил телевизор и бесцельно листал каналы, время от времени доливая виски в стакан.

Глава 5. Грязные деньги

Моше проспал до одиннадцати утра, проснувшись на удивление бодрым и отдохнувшим. Вчерашний виски куда-то ушел, не оставив ни обычной головной боли, ни липкого похмелья. Он аккуратно побрился, напевая под нос: «Утро красит ясным светом стенку древнего Кремля…» — почистил зубы и встал под душ. Холодная вода ударила в плечи. Он сжался, но тут же заставил себя расслабиться и простоял так минуты три, окончательно просыпаясь.

Потом спустился на кухню, открыл холодильник.

— Дорогие друзья, сегодня мы покажем, как приготовить себе омлет не хуже, чем в ваших хилтонах и хаяттах, — бормотал он, доставая яйца, ветчину и помидор. — Все это режем, солим, перчим. Сковородку на средний огонь.

Очень странные видения — слишком живые, невероятно реалистичные и запоминающиеся. Он до сих пор отчетливо помнил запах хвои на лесной тропинке и тяжесть коробок с медом на сборочном конвейере конфетной фабрики «Элит».

— Не забываем взбить яйца с молоком. — Он убавил огонь и разбил два яйца в стакан. — Тут важно не переборщить, господа, а иначе у вас выйдет каша, а не омлет… Сначала лук и ветчину, затем помидор. Пусть выйдет влага, иначе яйца поплывут. И вот только теперь мы выливаем яичную смесь и сразу убавляем огонь.

Он давно не мог представить образ отца во всех деталях, а во сне тот засмеялся, запрокинув голову, и обнажил тот самый скол на переднем зубе, о котором Моше совсем забыл. Лиза с соской во рту… Лена в инвалидном кресле с капельницей на штативе… Клубника со сливками под носом…

— Перед тем как белок станет совсем белым, натираем сыр поверх омлета. Вот так! — Сырная крошка легла на омлет ровным слоем. Он накрыл сковороду прозрачной крышкой.

И это явно связано с машиной: каждый раз очки, ввод системы в тестовый режим…

Нет, он не спятил. На полигоне он отработал чисто: решить такую задачку — это вам не хухры-мухры. Отличает сон от реальности, голосов не слышит… Что же здесь происходит?..

Позавтракав, Моше поставил тарелку в посудомойку и встал у окна. Каменистые холмы подрагивали в утреннем свете, знакомая двухполосная дорога змеилась от поселения вниз, исчезая за поворотом. Нужно обсудить это с тем, кому он доверяет и кто сразу поймет, что он не шутит и не сошел с ума.

Звоним Боре.

Он нажал на второй контакт в «избранных». Длинные гудки, автоответчик. Написал в WhatsApp: «Позвони, важно», — и положил телефон на подоконник.

Одна галочка — небось, как всегда, сидит на совещании с Надавом.

Моше прошелся по гостиной, вышел в садик, постоял в тени под навесом, вернулся. Две серые галочки. Позвонил еще раз — голос Бориса предложил оставить сообщение. Спустился в подвал.

Ну что ж, пока Боря занят, можно проделать еще один эксперимент. Он запустил систему и надел очки.

* * *

— А потом, значит, — продолжал Томер с заднего сиденья, — наш Казанова наклоняется к Дане и говорит ей вполголоса: «Мы на прошлой неделе под Хан-Юнесом были. Наши по рации: мы под обстрелом, но не видим откуда! Мы с ротным к ним подлетаем, я паркую за бетонадой и говорю: я разберусь, пока вы с Томером в штаб докладываете. Моше мне — давай, действуй, доложи обстановку». — Пунцово-красный Роман хотел было возразить, но лишь

сильнее вцепился в руль военного «хаммера». — «Захожу на позицию, успокаиваю. Слушай, Дана, откуда нам этих юнцов прислали?»

Роман наконец не выдержал:

— Томер, хватит уже! Ну я немного приукрасил, но все так и было. Почти.

— Почти! Моше, ты слышишь?..

Моше смотрел на асфальтовую ленту дороги вдоль забора, на пыльные холмы по ту сторону. Хан-Юнес… Ему тогда было под сорок, и его резервистский батальон еще не ушел из Газы. Да и не надо было уходить.

— А автомат? — не унимался Томер. — Он им и так к ней повернется, и эдак, а она не понимает. Тогда он кричит Эйтану из третьей: «Что, не выдали укороченный[5]? Как же так? Ты же связист! Опять придется с метлой ходить! Сожалею, брат». Потом опять к Дане поворачивается и…

Моше уже не слушал Томера. Укороченный автомат он сам выбил для Ромы — вести «хаммер» с длинным было действительно неудобно, к тому же тот был великолепным водителем и классным парнем, чем-то напоминавшим ему самого себя в молодости. Вообще, замечательные ребята у него тогда подобрались в роте.

— А Дана что? — перебил Моше.

— Кивала. Она офицер по личному составу, ей положено кивать… Так вот, поворачивается он к Дане…

Роман с силой воткнул третью передачу и выкрикнул:

— Как там ваш дом, Моше? Закончили строить?

Тот не смог сдержать улыбки:

— Да какое закончили! Но крыша есть, окна поставили… Эти идиоты сделали нишу под встроенный шкаф в комнате дочки вместо нашей спальни — пришлось перегородку на втором этаже двигать. Но если больше ничего не перепутают, через полгода въезжаем. Жена уже спит и видит, как будет сажать цветы во дворе, а я устрою себе кабинет в подвале…

— Да, дом — это совсем другое дело, — Роман расправил плечи на сиденье. — У моего деда в Краснодаре был. А сколько такой стоит?

— Сто пятьдесят тысяч долларов.

Томер присвистнул:

— Сто пятьдесят? За такой дом? Да в центре за эти деньги сейчас и трешку не купишь.

— Вот именно. Там два этажа, участок, подвал.

— Гараж есть?

— Гаража нет, но на улице места полно. Это тебе не Тель-Авив! Помните, как мы у дома Ральфа парковались, когда за Ариэлем стояли?

— У Ральфа?

— Ну у того, из местного отряда быстрого реагирования.

— А, точно. Классный мужик.

— Да там все неплохие — семейные, все друг друга знают. Школа хорошая. Меня сразу позвали в отряд… Мне, если честно, всегда хотелось своего дома. Не съемной квартиры, а настоящего…

Справа от дороги, в дрожащем мареве Негева, мелькнули два квадроцикла. Они уходили от границы вглубь страны, оставляя за собой узкие полосы пыли.

— Роман, квадроциклы!

Тот среагировал раньше, чем Моше успел договорить: «хаммер» соскочил с асфальта и, набирая скорость, полетел по каменистой почве пустыни.

---

[5] Укороченный M16 — компактный вариант армейской винтовки. В описываемые годы он доставался далеко не каждому и считался в солдатской среде знаком особого статуса.

Квадроциклы в ту же секунду разошлись — один вправо, к сто семьдесят первому шоссе, второй взял резко влево, в сторону дюн.

Томер схватил рацию:

— Кого берем, командир?

Тогда они свернули за правым. Гнались долго, и он, сука, почти ушел в районе Баад Эхад, но там его накрыл вертолет. А левый добрался до сорокового и растворился, больше его никто не видел. Интересно, а если на этот раз за левым?..

— Томер, пусть поднимут вертолет, два километра к югу от Баад Эхад[6]. Роман, мы за левым!

Бедуин знал здесь каждый камень, каждую тропу, а Моше — нет. Но зато он помнил, где квадроцикл выедет на шоссе.

А почему бы, собственно, и нет?..

— Роман, стоп. Разворачивай.

— Куда?

— К сороковому, вон по той грунтовке.

«Хаммер» запрыгал по ухабам — трясло так, что Томер на заднем сиденье матерился во весь голос и держался за поручни обеими руками. Пыль летела в окна, слева тянулись дюны, асфальт сорокового уже белел впереди между скальными выступами.

— Теперь вон туда, здесь единственный съезд на сороковое. Да, тот, между скал.

Роман вырулил к шоссе и заглушил двигатель. Томер высунулся из люка на крыше и передернул затвор станкового пулемета. Стало совсем тихо — только ветер и далекий гул вертолета.

Квадроцикл вылетел из-за поворота на полном ходу. Водитель дернул руль, но уже не успел развернуться.

— Томер, огонь!

Очередь ударила поверх голов контрабандистов. Квадроцикл в последний раз вильнул и замер на месте.

Они подъехали ближе. Водитель, молодой бедуин, уже лежал, раскинув руки, в песке рядом с вездеходом, не дожидаясь приказа.

Томер прижал бедуина коленом к земле. Завел руки за спину и затянул пластиковые наручники на запястьях. Второй контрабандист так и сидел на квадроцикле. Роман, присев на одно колено, держал его на прицеле.

Маленькие белые руки были примотаны к сиденью куском веревки, на голове мешок, плечи мелко тряслись.

Моше подошел и снял мешок.

С квадроцикла на него смотрела худенькая девушка лет двадцати. Ссадина на лбу, синяк под глазом, русые волосы сбились в колтун.

— What is your name?

Она сглотнула:

— Оксана.

Совсем девчонка.

Роман уже резал веревку. Моше присел и сказал по-русски:

— Мы армия Израиля. Ты в безопасности, не волнуйся, тебя никто не тронет.

Она секунду смотрела на него, потом закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Как ты сюда попала?

---

[6] Баад Эхад (ивр. ד״הב 1) — главная офицерская школа Армии обороны Израиля.

Она говорила долго и сбивчиво: объявление в интернете, официантка в Каире, щедрая оплата, все официально. Прилетела, встретили, отвезли в какой-то дом, забрали паспорт. Потом автобус с другими женщинами, фургон, потом этот байк...

Час закончился.

Минуту он сидел не двигаясь. В ушах еще гудел ветер, а солнце Негева как будто жгло закрытые веки.

Моше снял очки, поднялся на кухню и достал из холодильника банку колы.

Подождите… В реальности второй квадроцикл ушел, съехав где-то с сорокового шоссе. Они прочесали весь сектор от могилы Бен-Гуриона до самого Баад Эхад — ничего. Он словно растворился: ни груза, ни водителя — и, главное, никакой девушки с веревкой на руках. Моше опустился на стул; кола стояла нетронутой.

Хорошо. Без истерики.

Два варианта.

Первый: мозг дорисовал картинку во сне, добавил детали, которых не было. Второй: это не сон, и машина показывает ему не его память, а само прошлое.

Он взял телефон. Борис наконец ответил: «Позвоню позже». Моше набрал его номер — в ответ пришло сообщение: «На встрече».

Моше спустился в подвал. «Проверим еще раз», — подумал он, затягивая ремешок очков на затылке.

* * *

Надав закрыл ноутбук. Почти весь разговор он провел сам, подробно обрисовав ситуацию на рынке и рассказав о сроках, контрактах и производстве. Моше включался дважды: запустил симуляцию перехвата и показал процесс наведения луча. Инвестор все сорок минут пялился в экран, как ребенок на фокусника. Вопросов не было.

Это был Ицхак Левентуль, известный авторитет из Беэр-Шевы — крупный, широкоплечий, в синем тренировочном костюме и желтых дизайнерских кроссовках за две тысячи долларов, «Ролекс», толстенная золотая цепь на шее. Он пришел с двумя сопровождающими в одинаковых темных рубашках. Они остались у входа на этаж, пили бесплатный кофе и исподлобья разглядывали посетителей коворкинга. Тот, что повыше, держал черный кожаный кейс. Моше с самого начала старался не думать о том, зачем они здесь.

Ицхак встал, подошел к Моше и потрепал его по щеке тяжелой ладонью:

— Слушайте, друзья, вы молодцы. Наши русские программисты — это вам не местные, это отдельная каста. Я знаю, что говорю, я сам из Ташкента. — Он поднял палец. — СССР — сила! Вы нас всех озолотите, я уверен. Всех! — Он засмеялся и по-хозяйски взял Надава под локоть. — Классный он у тебя. Пойдем потолкуем с глазу на глаз. — И, не дожидаясь ответа, вывел его из комнаты.

Моше повернулся к Борису, все еще потирая щеку:

— Это же Левентуль. Ты понимаешь, кто это?

— Моше...

— Какого вы его сюда притащили?..

Борис развел руками.

— Да не тащили мы, он сам на нас вышел. Не могли же мы отказать во встрече.

— Почему не могли?

— Да не волнуйся ты так — Надав аккуратно все разрулит, и мы его больше никогда не увидим. Да и не будет он в лазеры вкладывать. Оставь…

Моше аккуратно отодвинул маленького Бориса плечом и вышел в коридор.

— Стой! Ты куда?

Через стеклянную перегородку он отлично видел всю соседнюю комнату. Надав и Левентуль стояли друг напротив друга. На столе лежал тот самый кожаный кейс. Ицхак открыл кейс и развернул к Надаву. Тот посмотрел внутрь, коротко кивнул, закрыл крышку и опустил кейс на пол рядом со стулом, все еще теребя пуговицу на рубашке. Левентуль протянул руку. Надав застыл на мгновение, потом поспешно пожал ее обеими руками.

Борис потянул Моше за пиджак:

— Уйди оттуда, прошу тебя.

Моше вернулся в переговорку и сел.

Надав вошел минут через десять, прикрыл дверь и остался стоять у стены с кейсом в руке.

Моше поднял глаза:

— Значит, ты все-таки взял.

— Что?

— Я видел.

В глазах Надава читалась усталость человека, которого загнали в угол, и ему надоело это скрывать.

— Проблема у нас, Моше: деньги уже два месяца назад закончились. Нема денег. Вчера Яир отказал, они все отказали — нет у вас продаж, говорят. А как появятся продажи без готовой системы? Как?.. — Он со слезами на глазах посмотрел на Моше. — Я дом заложил, понимаешь?

— Левентуль инвестирует через американскую компанию, — сказал Борис. — Ventures Dreams LTD. Юридически все чисто, ни одна проверка не найдет. Никто ничего не узнает.

— Так ты был в курсе с самого начала!

Тот ничего не ответил.

— Мы строим оборонную систему для ЦАХАЛа на деньги мафии. Это для вас нормально?

Надав пнул стол:

— А ты хочешь, чтобы я закрыл компанию? Мне даже тебе нечем в этом месяце платить. Мы с Борисом уже четыре месяца без зарплат. Я два года на это положил. И если хоть слово уйдет наружу… — Надав понизил голос. — Левентуль таких вещей не прощает. Люди пропадали и за меньшее. Ты меня понял?

Моше открыл дверь и пошел к выходу.

— Иди, иди и не возвращайся! — крикнул ему вслед Надав. — Ты меня уже вот как достал! Обойдемся без тебя, чистоплюй придурочный!

Он вышел на улицу и пошел, не останавливаясь, в одном направлении, поглядывая на циферблат и дожидаясь, когда закончится час.

Моше сорвал очки и открыл сайт компании.

Раздел «Инвесторы». Первая строчка — NFX. Вторая — Ventures Dreams LTD.

Глава 6. Капланисты

Моше не мог оторвать взгляд от экрана: Ventures Dreams LTD! Он никогда раньше не слышал этого названия. Значит, это не сны, он был там — видел Левентуля в дурацких желтых кроссовках и Надава, энергично трясущего его руку.

А теперь Левентуль член центра «Ликуда», с Оханой за руку здоровается, в радиоинтервью рассуждает про развитие юга страны. Далеко пошел человек. И Боря хорош — с самого начала знал, друг называется…

И, похоже, Борис продолжал ему врать. Через пару лет после той встречи в коворкинге Моше с удивлением увидел Левентуля в их офисе на встрече с советом директоров. Борис отвел Моше в сторону и сказал, что Ицхак все-таки вложился — не напрямую, через фонд.

В тот же вечер Левентуль потащил Моше на ужин в один ужасно дорогой ресторан. Разговорившись за столом и узнав, что тот из Москвы, почему-то засмеялся:

— Так ты у нас еще и москвич!

С тех пор он звал его москвичом. Моше это дико раздражало, и если бы не Боря, он давно бы послал Левентуля куда подальше.

Один раз он даже летал с Надавом на частном самолете Левентуля в Лондон, по одной из их первых больших сделок. Через пару часов Ицхак ушел в спальню в хвосте самолета и закрыл дверь.

Все выдохнули. Его правая рука, крупный, мордастый сефардский еврей с тяжелой золотой цепью на груди, разлил коньяк по хрустальным стаканам и принялся рассказывать, какой Левентуль классный мужик и как он всегда помогает своим. Вот недавно один его человек закрутил роман с замужней красоткой. Все было хорошо, но она оказалась женой одного серьезного хайфского авторитета. Наш герой узнал, что к нему уже едут, и весь в слезах позвонил Ицхаку. Тот выслушал, связался с авторитетом, и киллеров развернули.

— Вот такой человек, — сказал он и поднял стакан.

Ладно, черт с ним, с Левентулем. А вот то, что машина отправляет сознание в прошлое, — это совсем другой разговор. Кстати, где Боря?..

Моше позвонил — гудки. Написал еще раз в WhatsApp — тишина. Чем таким важным он там занят, что не может на пять минут отвлечься и хотя бы ответить на сообщение?

Он пошел в спальню, открыл шкаф, нашел приличные брюки, повертел их в руках — немного мятые, но сойдут. Нацепил рубашку с длинным рукавом, взял ключи.

За Ариэлем встал в пробку. По-прежнему две серые галочки — на совещании сидит, не иначе. Наконец раздался звонок, на экране высветилось: «Лена».

Моше разочарованно ткнул зеленую кнопку:

— Алло.

— Привет! Как дела?

— Ничего.

— Ты куда-то едешь?

— В офис. А что?

— Сегодня у Эли выставка. Я знаю, ты не любишь такое, но это для него важно, профессор его придет.

— Когда?

— В шесть. Ты же все равно будешь в городе.

— Лен, у меня сегодня важные встречи, клиенты приехали.

Лена тяжело вздохнула.

— Давай я пришлю адрес. Если выберешься, приезжай.

— Да, конечно, постараюсь.

Через минуту телефон коротко пискнул. Моше даже не открыл сообщение: позвонит поближе к шести, скажет, что застрял на работе. Нет у него сейчас сил на это.

* * *

— Шалом, Моше!

— Шалом, — он кивнул хорошенькой секретарше на входе. Как ее зовут?.. — Бориса не видела?

— Он в большой переговорной на третьем этаже.

— Мы и третий заняли?

— Месяц уже как. Переговорка слева от лифта, сразу за кухней.

— Спасибо.

Он поднялся на третий, прошел через опенспейс — длинные ряды столов, молодые лица, большую часть он не знал. «Растем как на дрожжах», — подумал он.

Большая переговорная была видна издалека — стеклянная, угловая, с видом на море. Моше замедлил шаг. У экрана стоял Борис — маленький, плотный, с указкой в руке — и громко, с нажимом говорил по-английски. Напротив сидели двое крупных американских офицеров с внушительными звездами на погонах и внимательно слушали, время от времени делая пометки.

Моше приоткрыл дверь и просунул голову. Показал пять пальцев и беззвучно произнес: «Пять минут». Борис мотнул головой и махнул рукой — не сейчас, иди пока кофе выпей. Моше тихо закрыл дверь.

Просторная светлая кухня гудела обеденным шумом. Большинство столов были уже заняты, у микроволновок стояла очередь, кто-то доставал контейнеры из холодильника. Пахло разогретым рисом, мясом и карри. Моше подошел к свободной кофемашине.

— Ахалан, Моше! — помахал рукой высокий парень с надписью «No, I will not fix your computer» на всю футболку.

— Привет.

— Выбрался-таки к нам из своей деревни. Заказал что-нибудь?

— Нет, я на час к Борису. Он там застрял с американцами.

— Давай к нам, у нас лишняя порция.

Моше взял тарелку и подсел к ним. За столом он знал только Мерав и еще двоих. Последним подошел молодой парень, в рваных джинсах, сжимая обеими руками увесистый тюк с израильскими флагами. Он затащил тюк в угол, отдышался и подсел на последнее свободное место:

— Теперь вам не нужно флаг из дома тащить! Заранее всем благодарен.

— О, красавчик. Спасибо, Амит! — Мерав потрепала его по волосам. — Значит, выходим в восемь?

— Лучше в семь тридцать, пешком до Каплана[7] не меньше часа.

Моше ковырял рис вилкой, не поднимая глаз. Амит налил себе воды из графина:

— В паб потом кто?

— Я точно, — ответил светленький парень напротив.

— Заказываю столик на шестерых? Алекс?..

— Не могу, — ответил Алекс. — У Нои теннис, не успею.

Моше отодвинул тарелку, пытаясь успокоить дыхание, посмотрел на тюк с флагами в углу.

[7] Каплан — улица в Тель-Авиве, ставшая в 2023 году главным символом массовых протестов против судебной реформы правительства Нетаньяху.

— Кстати, друзья, я нашел барабан! — светленький поднялся из-за стола. — Хотите посмотреть? Я сейчас принесу.

Мерав начала скандировать:

— Де-мо-кра-тия! Де-мо-кра-тия!

— Прямо шоу у вас, — сказал Моше негромко, почти в тарелку.

Мерав прекратила выкрикивать.

— В смысле?

— Ты, может, не в курсе, но выборы уже состоялись. Это такой процесс, когда большинство выбирает лидера. Демократия называется.

— При чем тут выборы? — вмешался Амит. — Победить на выборах — не значит получить право делать что угодно. Правительство должно уважать законы. Мы защищаем независимый Высший суд.

— Да ничего вы не защищаете. Вы, как всегда, просто с Биби боретесь. И тусите вместо того, чтобы работать.

Алекс прижал руку к груди:

— Слушай, Амит прав, не боремся мы с Биби. Мы просто хотим свободную страну с главенством закона.

— Ну да, и чтобы эти законы БАГАЦ издавал. Народ выбрал Нетаньяху, и нужно дать ему работать. Страна под его руководством идет вперед уже двадцать лет, посмотрите вокруг, откройте, наконец, глаза!

— Типичный бибист… — прошептал Амит.

Моше встал:

— Мы с тобой знакомы? Ты когда успел решить, что можешь так со мной разговаривать?

В дверях появились Борис и Эйтан. Амит хотел что-то возразить, но Моше уже кричал на всю кухню:

— Тебя в «шмоне-матаим»[8] хамить научили? Ты хоть раз вылезал из своего компьютера? Ты автомат два раза на курсе молодого бойца видел, а позволяешь себе меня учить. Гуманизм, твою мать! Вытащи своего раненого друга из-под обстрела под Хевроном и тогда приходи ко мне — мы поговорим про закон и демократию.

Никто не двигался. Мерав что-то быстро шептала Амиту на ухо, тот побледнел и несколько секунд смотрел в стол.

— Моше… — голос Амита сорвался. — Прости, я не знал про Лизу.[9] Я не должен был так говорить. Прости, пожалуйста.

Наступила полная тишина. Борис продолжал стоять у входа, явно не зная, что со всем этим делать. Собравшись, он подошел к столу, поздоровался, пожал руки. Мерав спросила что-то про американцев. Моше стоял, глядя в пол.

— Ты поел? — спросил Борис. — Пойдем поговорим. У меня минут сорок, пока они с Надавом обедают.

Они зашли в небольшую переговорку рядом с кухней. Борис прикрыл дверь.

— Ну и что это было?

— Он первый начал.

— Моше, ему двадцать пять лет.

— И что с того?

Борис сел, облокотился на стол.

---

[8] «Шмоне-матаим» (ивр. מיתאמ הנומש, букв. «восемь двести») — разговорное название подразделения 8200, элитного разведывательного корпуса Армии обороны Израиля, специализирующегося на радиоэлектронной разведке и кибероперациях.

[9] Ав шакуль (ивр. לוכש בא, букв. «осиротевший отец») — отец, потерявший ребенка на войне. В израильском обществе — особый моральный статус: публичный спор с ав шакулем считается социальным табу вне зависимости от политических взглядов сторон.

— Ладно. Что там у тебя стряслось?

Моше рассказал коротко, но по порядку. Про очки, про первый прыжок, про отца на даче у Олега, про Лену в роддоме, про квадроцикл в Негеве. Про Левентуля решил пока не упоминать. Борис не перебивал.

— Второй контрабандист в реальности ушел — его потеряли, и про девушку никто ничего не знал.

Борис долго смотрел куда-то в окно:

— Моше, если бы я тебя не знал двадцать лет — я бы уже вызвал «скорую».

— Понимаю.

— Честно говоря, это по-прежнему мой основной вариант.

— Приезжай и посмотри сам.

Борис отрицательно покачал головой:

— Сейчас не могу — вечером ужин с американцами. Завтра утром. Кстати, Джон и Энтони — хорошие ребята, присоединяйся.

— Окей, завтра, но утром. Не тяни, пожалуйста.

— Первым делом, обещаю, — Борис встал. — И еще… То, что произошло на кухне, не должно повториться. Компания вне политики, я давно об этом говорю. Не надо было флаги на кухню приносить. Я поговорю с ними об этом.

— С Амитом поговори. Он должен понимать, что мы не филиал Каплана.

— Ладно, — Борис открыл дверь, — до завтра. Я приеду.

* * *

Моше вышел на парковку и сел в машину. Домой не хотелось — Борис приедет только завтра, и он поежился от мысли о долгом вечере наедине с LaserSkyControl. Открыл сообщение от Лены — галерея «Нагар», Виталь, 10.

Он кружил минут десять по узким улочкам Флорентина, пока не нашел свободное место в квартале от галереи. Дальше пошел пешком мимо живописных кофеен, художественных магазинов и фасадов с граффити.

Эли стоял у входа с холстами в руках — черный пиджак с узкими лацканами, длинные волосы собраны в косичку, новая серьга в ухе. Моше поморщился, но сдержался:

— Привет, Эли.

— Привет. — Он застыл на секунду, глядя на отца. — Ты приехал…

— Давай помогу.

Эли протянул холсты и первым переступил порог.

За дверью их встретил небольшой белый зал с деревянным полом и хаотичной подсветкой под потолком. Моше помог Эли развесить работы на дальней стене. Тот отступил на шаг, поправил один холст, чуть сдвинул второй. Обернулся к отцу и ждал.

— Что это? — спросил Моше.

— Это же почти такая же картина, что висит у тебя в кабинете. Это наше поселение, только здесь вид из окна, а не сам дом. Видишь, как горы тянутся к крышам?

Темные геометрические формы, которые то ли складывались во что-то, то ли разваливались на части.

— Знаешь, я не очень понимаю в современном искусстве…

Сын коротко кивнул и отвернулся.

Вошла Лена. Приветственно махнула рукой Моше, привстала на цыпочки и поцеловала Эли в щеку. Сын почти сравнялся с отцом ростом, но остался тонким, узким в плечах.

— Большой день! А вот и его куратор.

К ним подошел невысокий мужчина в роговых очках, взял Эли за локоть и повел к другой стене, что-то объясняя. К шести стали подходить посетители, родители других детей. Лена что-

то говорила незнакомой женщине, смеялась, держа бокал двумя руками. Моше взял со стойки бутылку пива и отошел к стене.

Эли разговаривал с куратором — оживленно, размахивая руками, почти крича, совсем не так, как дома. Рядом двое студентов что-то горячо обсуждали, тыча пальцами в чью-то работу. У входа смеялась группа людей — похоже, они все здесь были давно знакомы.

Лена поймала его потерянный взгляд и подошла, потянув за собой женщину в длинном льняном балахоне неопределенного цвета, с тремя нитками янтаря на шее и странной асимметричной стрижкой.

— Моше, это Далит, мама Шахара, они вместе учатся. Далит — наша знаменитая художница.

— Лена, ну какая я знаменитая… Очень приятно, Моше. — Далит пожала ему руку и повернулась к работам Эли. — Знаете, у вашего сына интересное видение. Он разбивает форму, но не до конца, оставляя зрителю возможность достроить композицию. Это, знаете ли, требует уверенности в себе, не все имеют подобную смелость.

Моше смотрел на картину сына:

— Да, наверное, так.

Далит и Лена переключились на другие работы Эли. Моше допивал пиво, то и дело посматривая на часы.

— Мне нужно идти — ужин с американцами, — прошептал он на ухо Лене.

Она прикрыла глаза и кивнула. Он помахал сыну. Тот оторвался от разговора и поднял руку в ответ.

Моше вышел из галереи в теплый вечерний Тель-Авив, с моря уже тянуло легким бризом. Дошел до набережной Яффо, зашел в небольшое кафе, взял капучино и сел у окна. Внизу море отмеряло время ударами волн о каменный мол.

Ходят на Каплан как на праздник… Амит притащил двадцать флагов, чтобы остальным не нести их из дома. Барабан, речевка, потом паб… Они думают, что так борются за страну. Для них Израиль — это Тель-Авив, а главный враг — Биби. Им кажется, стоит нам протянуть палестинцам руку — и те сразу захотят мира. Как бы не так. Они понимают только один язык — язык силы.

Моше заказал еще один кофе и тост.

Никто из них не жил в поселении. Они не понимают, каково это — чувствовать, что ты там не случайно, что это земля, на которой евреи жили две тысячи лет назад и на которую мы вернулись. Мы строим дома, растим детей, хороним родителей. А они хотят, чтобы мы все бросили и отступили к границам шестьдесят седьмого года. И что дальше? ХАМАС ведь не успокоится, пока не уничтожит Израиль, пока не сбросит нас всех в море.

Тель-авивские умники думают, что это их не касается, что можно договориться, найти баланс, построить демократию с красивыми институтами. Тот, кто въезжает в толпу на трем-пиаде, не читает решений БАГАЦа и не интересуется системой сдержек и противовесов.

А главное, мы принимаем на себя первый удар, не давая волне террора докатиться до центра. Пока смертники взрываются на наших дорогах, люди в Тель-Авиве спокойно живут за нашей спиной, а вместо благодарности еще объясняют, что именно мы мешаем миру.

Он подозвал официанта, расплатился и пошел к машине.

Домой он приехал около десяти. Поднялся в гостиную, заглянул в холодильник, закрыл. Спустился в подвал.

У дальней стены стояли старая штанга и скамья, в дверном проеме висел самодельный турник. Со времен срочной службы Моше так и не бросил привычку заниматься по нескольку раз в неделю. Эли он тоже когда-то тянул за собой, но сына хватило на две тренировки, после чего тот снова убежал к своим холстам.

LaserSkyControl стояла в углу, индикаторы погашены. Моше подошел к турнику и подтянулся раз десять. Спрыгнул, постоял, разминая пальцы, и снова взялся за перекладину.

Борис приедет завтра. Нужно подождать до утра.

Он читал фантастику — Азимова, Брэдбери. «И грянул гром» — охотник наступает на бабочку в меловом периоде, возвращается, а президент уже другой, и язык изменился. Время — не нитка, которую можно дернуть с одного конца и не задеть другой. Любое вмешательство тянет за собой цепочку последствий, которую невозможно просчитать. В книгах такое ничем хорошим не кончалось. Никогда.

Нужно подождать Бориса.

Моше поднялся наверх, включил телевизор, пощелкал каналы, запустил Netflix, выключил. Открыл ноутбук, почитал новости, закрыл. Взял с полки книгу, повертел в руках, поставил обратно.

Пошел в душ. Помылся и еще долго стоял под струями, пока в бойлере не кончилась горячая вода.

Спустился в подвал, сел в кресло.

Лиза улыбнулась. Двери «скорой» захлопнулись…

Нет, он обязан попытаться.

Моше надел очки.

Глава 7. Повисший коммит

Моше вышел на крыльцо, с размаху захлопнув входную дверь. Прохладный вечерний воздух пах землей и дымом барбекю снизу по склону. Сердце все еще колотилось, в ушах стоял его собственный крик.

Он обошел дом сзади и осторожно заглянул в окно. Подождал, пока Лена и Лиза, обменявшись расстроенными взглядами, поднялись на второй этаж. Эли продолжил сидеть в своей комнате на полу среди картин. Сегодня никто из них не вернется в гостиную.

Моше тихо открыл входную дверь и спустился в подвал. Машинально набрал код сейфа, достал пистолет. Вышел на улицу, осторожно прикрыв за собой дверь.

Через месяц после теракта дом террориста снесли в наказанье семье[10]. Но сейчас он еще стоит.

До деревни Арабе было километров двадцать, и через полчаса он уже ехал по узким, извилистым улочкам, надеясь, что никто из местных не обратит внимания на его желтые израильские номера.

Но он зря волновался — все давно сидели по домам, и лишь кошки грелись на капотах припаркованных машин. Через приоткрытое стекло потянуло горелым маслом и кислым запахом мусора.

Дом стоял на краю деревни — приземистый, с резным, по-восточному вычурным фасадом, выделявшим его из ряда однотипных серых блочных строений. Слева от него в обход кукурузного поля тянулась грунтовка. По ней он и уйдет.

Моше припарковался рядом со старым фургоном и вышел из машины. Вытащил из кобуры пистолет, с сухим лязгом передернул затвор и нажал кнопку звонка.

Дверь приоткрылась, и он изо всех сил толкнул ее плечом. Невысокая женщина в длинном темном платье отлетела к стене. Он подошел, рывком развернул и прижал ее спиной к себе. Зажал ей рот ладонью и приставил пистолет к виску:

— Where is Ahmed? Вейн Ахмед?

Она мотнула головой в сторону коридора.

В гостиной двое совсем еще маленьких мальчиков возились на ковре с пластмассовыми машинками. Он отшвырнул женщину, рванул в конец коридора и распахнул дверь.

В тесном помещении с низким потолком и зарешеченным окном едва умещались кровать, стол и платяной шкаф. Худой, небритый мужчина лет сорока с серой кожей и впалыми щеками сидел на краю кровати с книгой на коленях. Рядом на боку лежала девочка лет девяти, подложив руку под щеку.

Ахмед посмотрел на наведенный на него пистолет, медленно отложил книгу, поднялся и отступил к шкафу. Повернулся спиной к Моше, расставил ноги и покорно уперся ладонями в дверцы.

— Go! Go out, — Моше показал девочке на дверь.

Но та лишь натянула одеяло до подбородка и смотрела на него, не издавая ни звука.

Он навел ствол на ноги Ахмеда. Пальцы мелко, противно дрожали. Он еще крепче сжал рукоятку, сглотнул.

— Кто ты? — сказал Ахмед на ломаном иврите. — ШАБАК не приходит в одиночку.

Он выхватил из открытого ящика шкафа тяжелые портновские ножницы, развернулся и выставил их перед собой.

---

[10] Снос домов — превентивно-карательная мера: после теракта или установления причастности к нему израильские власти вправе опечатать, взорвать или снести дом исполнителя.

Моше вскинул оружие и выстрелил ему в голову. Ахмеда отбросило на шкаф, и он мешком сполз на пол. Моше шагнул ближе и дважды выстрелил лежащему в грудь.

Девочка перекатилась через кровать, бросилась к отцу и упала рядом с ним на колени. Книга с мальчиком, волшебной палочкой и драконом на обложке слетела на пол. Женщина у двери издала сдавленный звук.

Моше выбежал в коридор. В гостиной мальчики побросали игрушки и зашлись ревом. Он запрыгнул в машину и рванул по пыльной грунтовке вдоль кукурузного поля. В зеркале заднего вида он видел, как соседи выскакивали из домов и оглядывались, пытаясь понять, откуда стреляли.

В голове пульсировала мысль: «завтра Ахмед никуда не поедет на своем белом фургоне».

Моше рывком стянул очки. Дышалось с трудом, руки тряслись так, что он едва не выронил титановый корпус на каменный пол. Он вскочил со стула и кинулся вверх по лестнице, распахнул дверь в комнату Лизы.

В лицо пахнуло сухим, застоявшимся воздухом. На столе, покрытом толстым слоем пыли, лежал открытый тюбик с засохшим в камень кремом. На спинке стула висела нетронутая оливковая армейская куртка.

Он отступил назад, тихо прикрыл дверь и, пошатываясь, спустился в кабинет. Упав в кресло перед мониторами, он непослушными пальцами вбил в строку поиска: «Лиза Шалит теракт». На экране выскочили те же заголовки, те же фотографии искореженного металла и желтых лент оцепления. И ее имя в официальном списке погибших. Моше грохнул кулаком по столешнице так, что подпрыгнула клавиатура, схватил ключи и побежал к машине.

Подъехав к краю деревни, он не стал выходить, только опустил стекло. На месте вычурного фасада зияла пустота. Остались лишь заросший жестким бурьяном растрескавшийся фундамент, куча слежавшегося строительного мусора и криво торчащий из земли дверной косяк.

* * *

Ночью он плохо спал, несколько раз просыпаясь от кошмаров, и уже с десяти утра нервно расхаживал взад-вперед у калитки. Наконец из-за поворота показался Борин БМВ. Они коротко поздоровались.

— Дерьмово выглядишь, — сказал Борис, окинув взглядом его серое, осунувшееся лицо.

Моше кивнул и повел его в подвал.

— Я не должен был… Мы договаривались, что я дождусь тебя. — Он смотрел в одну точку на бетонном полу. — Но я не смог.

Борис уселся напротив шкафа с серверами. Моше продолжил:

— Я поехал в деревню. Дом еще стоял. Его жена открыла… Он сидел на кровати. Девочка… Гарри Поттер… Он развернулся с ножницами — такими большими, бесполезными… Я выстрелил. И еще два раза в грудь.

Борис подкатился к нему в компьютерном кресле:

— Нет, так не пойдет. Давай спокойнее и по порядку.

— Хорошо.

На этот раз Моше рассказал и о встрече с Левентулем. Закончил тем, как ездил проверять разрушенный дом, и окончательно сник, уронив руки на колени. Борис несколько секунд внимательно смотрел на него, склонив голову набок.

— Окей, показывай машину. — Он придвинулся к компьютеру.

— Надень очки. Вспомни событие из прошлого, — инструктировал Моше. — Что-то личное, яркое.

Борис надел очки, с минуту посидел неподвижно и спросил:

— Что я должен увидеть?

— А что ты вспомнил?

— Наш отпуск в Дубае год назад. Пляж, дети взяли каяк, мы с женой стояли на берегу и снимали их на мобильный.

Моше нахмурился:

— Может, это недостаточно яркое воспоминание?

— А может, ты все-таки спятил?

Моше сел на его место и надел очки.

Дача Олега, запах прелых досок на веранде — ничего. Больничная палата, приторный запах теплого «симилака» в пластиковой бутылочке — пустота. Холодная сталь винтовки и песок, скрипящий на зубах в вечерней засаде в Негеве — темнота перед глазами так и осталась черной.

Он попытался успокоиться. Может, что-то другое?..

Театральный кружок. Десятилетняя Лиза стоит на сцене в нелепой, криво склеенной картонной шляпе. Он почти физически услышал ее звонкий голос, зачитывающий реплики безумного Шляпника.

Машина была мертва.

Моше снял очки и посмотрел на потухший экран монитора.

— Пошли наверх, — глухо сказал он.

Они поднялись на кухню и сели за стол.

— Сделай одолжение, свари кофе. И пожрать что-нибудь — с утра ничего не ел, — попросил Борис.

Моше выложил на стол хлеб, сыр, пастрами. Включил кофемашину. Борис неторопливо ел, запивая бутерброды капучино. Моше сидел напротив, уставившись в стол.

— У меня есть знакомый специалист, принимает в Герцлии, — нарушил тишину Борис, отодвигая тарелку. — Посттравма. Примет тебя без очереди.

Моше посмотрел на него исподлобья:

— Нет.

— Послушай. — Борис оперся локтями на стол. — Ты сам понимаешь, как это звучит: путешествия в прошлое с помощью системы управления лазером — это, извини меня, бред.

— Но не могло все это мне привидеться, объективно нет. Как ты объяснишь того же Левентуля?

Борис пожал плечами:

— Не знаю. Может, ты раньше об этом слышал, просто не помнишь. Я не врач. Психозы бывают разные. Помнишь «Игры разума»? Или тот фильм с Ди Каприо на острове?

— Боря, это кино! И я все равно не понимаю, как вы тогда взяли у него деньги. Он же бандит.

— Бывший бандит. И это десять лет назад было, забудь. — Борис вздохнул. — Я поехал. — Он встал и направился к выходу.

— Я не сдамся, я найду, как ее запустить, — окликнул его Моше.

Борис застыл на месте и прошептал:

— Да, ты не сдашься. — Он обернулся и махнул рукой, зовя Моше за собой. — Ладно, попробуем еще раз. Но потом психолог.

Они снова спустились в подвал. Борис сел в кресло, стягивая ремешки на затылке.

— Запускай.

На противоположной стене проступил ослепительно белый песок. Яркая, режущая глаз синева Персидского залива. Двое детей с визгом тащили к воде желтый каяк. Рядом стояла стройная высокая женщина в легком пляжном платье, снимая детей на видео. Она обернулась и засмеялась, что-то крича сквозь шум волн. В кадр вошел Борис — в шортах, белокожий, лысоватый, щурящийся от солнца.

Картинка не была простой плоской проекцией — она дышала глубиной, жила и играла бликами на воде.

Моше просидел весь час не шевелясь, глядя на чужое прошлое, развернувшееся на стене его подвала.

Борис стянул очки и положил их на стол. Долго смотрел перед собой невидящим взглядом.

— Запах соли, горячий песок под ногами… Я слышал, как кричат чайки. — Его глаза блестели. — Ты понимаешь, что это значит с точки зрения физики? Возможно, машина создает параллельную ветку реальности. И ты изменил ее там, в прошлом. И когда ты вернулся, она не исчезла, а продолжает существовать сама по себе. В той, другой ветке Ахмед мертв, а Лиза жива.

Моше поднял на него тяжелый взгляд:

— Нет там никакой ветки. Я не знаю, как это объяснить… Там пустота.

— Это нужно изучить, — сухо отрезал Борис. — Есть у меня один знакомый генерал.

Он отошел в угол и долго говорил по телефону. Закончив, повернулся к Моше:

— Они приедут через пару часов, заберут машину. — Тот покорно кивнул. — Это открывает невероятные возможности в области безопасности и разведки, — добавил Борис, по-хозяйски оглядывая серверные стойки.

Моше отвернулся и уставился на голую бетонную стену, где еще недавно светился Персидский залив.

Глава 8. Лаборатория

Солнце едва миновало зенит, когда у калитки дома плавно затормозил серый Ford F-150 без опознавательных знаков. Из машины вышли трое мужчин в гражданском, с пистолетами в плечевых кобурах под расстегнутыми пиджаками.

Они поздоровались с Борисом и Моше и сразу спустились в подвал.

— Гивати, значит… — Старший разглядывал разъемы на задней панели установки, не поворачивая головы. — Батальон?

— Семьдесят два — двадцать.

— А у меня сын в Ротем, идет на офицерские курсы через месяц.

— Молодец!

— Да, молодец… А ты что в командиры батальона не пошел? Тебе предлагали вроде.

— Да я хотел, но…

— Но он нам на работе тогда был уж очень нужен, — закончил за него Борис.

Старший посмотрел на него и рассмеялся:

— Так вы в хайтеке у нас лучших людей забираете! Ладно, покажи схему запуска.

Моше объяснил порядок действий. Агент записывал в блокнот, переспрашивал и уточнял детали.

— Не слишком сложно, — подытожил старший.

— Могу показать вживую, — предложил Моше, потянувшись к очкам.

Улыбка слетела с лица старшего:

— Нет, больше никакой самодеятельности. Вы и так уже перебрали с экспериментами. Приступаем.

Агенты работали быстро и методично: отсоединили кабели, вытащили оптические модули, уложили все в жесткие кейсы. Через двадцать минут от шкафа остались только вмятины от тяжелых ножек на пыльном бетоне.

Военные погрузили систему в пикап и уехали.

— Генерал обещал держать меня в курсе, — сказал Борис на прощание. — Будут новости — позвоню. И сам понимаешь… об этом никому ни слова.

Проводив его, Моше поднялся в гостиную и опустился на диван. В доме стояла звенящая тишина. Он включил аудиокнигу «Задача трех тел» Лю Цысиня с того места, где остановился неделю назад, и уставился в черный экран телевизора:

— «…Ван отчетливо видел цифры, висящие перед лицом: 1175:11:34, 1175:11:33, 1175:11:32... Ему казалось, что это он сам следует за ними, идет за призраком, и нет никакой возможности разорвать эту связь…»

Все-таки хорошо, что они забрали установку, иначе он бы точно спятил. Может, Боря прав насчет психолога: сесть в мягкое кресло и рассказать все от начала до конца. Врачебная тайна обязывает молчать, а ему сейчас просто необходимо кому-то еще все это выплеснуть.

Перед глазами снова возникла та тесная комната, худой мужчина у платяного шкафа. Оказывается, он способен убить человека, выстрелить в голову с трех шагов. Пусть и в «параллельной ветке», как это назвал Борис. И эта девочка, что смотрела на него большими испуганными глазами из-под одеяла…

— «…Каждое утро фермер приносит еду. Индейка-ученый наблюдает за этим год и делает вывод: „Каждое утро в одиннадцать часов появляется корм“. Это непреложный закон Вселенной. Но наступает День благодарения, фермер приходит с топором, и великий закон перестает существовать…»

А если Борис действительно прав про ответвления реальности, и Лиза там жива? Зато его самого неминуемо арестуют. Разразится скандал, все газеты напишут про поселенца, убившего мирного палестинца на глазах у семьи.

Моше выключил аудиокнигу. Встал и плеснул в стакан виски на два пальца. Поднес его к губам, глубоко вдохнул резкий торфяной аромат, отвел руку и долго смотрел на янтарную жидкость. Вздохнул и аккуратно перелил ее обратно в бутылку, плотно закрутив крышку. Схватил ключи со стола и направился к входной двери — оставаться наедине с пустым подвалом было выше его сил.

В офисе было тихо. Четверг, последний день рабочей недели, после долгой войны с Надавом наконец официально объявили днем работы из дома. Моше прошел по пустому коридору и толкнул дверь своей комнаты.

Паша, его сосед по кабинету, невысокий и полноватый руководитель лаборатории в длинных карго-шортах и выцветшей желтой футболке баскетбольного клуба «Маккаби Тель-Авив», с удивлением оторвал голову от монитора, расплылся в широкой улыбке и поднялся навстречу:

— Моше! Какими судьбами? — Он кинулся сгребать в охапку картонные коробки со стола Моше. — Извини, завалил тут тебе все. Скучно дома сидеть?

— Да, Паш. — Моше бросил ключи на тумбочку, терпеливо наблюдая за его возней. — Не выдержал без тебя и твоей кофемашины.

— А, не зря я ее для нашего этажа выбил! Настоящая итальянская леверная, не та бездушная автоматическая бурда на общей кухне. А я каждый день в офис езжу — у меня дома трое подростков, и после двух начинается сумасшедший дом. Я так не могу.

Моше сел за освободившийся от коробок стол и открыл ноутбук. Паша снова уткнулся в графики на мониторе:

— Кстати, слышал, ты там над лазерной системой работаешь.

— Да, с VR.

— А что с ним у нас делать?

— Была у Бори одна идея…

— Понятно.

Паша тяжело вздохнул и потер лицо руками:

— Я тут застрял с одной конфигурацией на стенде — никак не пойму, что не так. Ты же эту линейку еще с Борей поднимал…

— Давай посмотрю.

— Серьезно? Тогда пойдем.

Моше оторвал взгляд от пустого экрана ноутбука:

— Куда?

— Как куда? В лабораторию.

Они спустились на лифте, Паша приложил карту доступа к считывателю. Магнитный замок сухо щелкнул и тяжелая железная дверь с гулом отошла в сторону.

Лаборатория занимала весь минус первый этаж. Моше скользнул взглядом по открытым кабельным трассам под высоким бетонным потолком и замер: у дальней стены стояла еще одна LaserSkyControl — большой лабораторный модуль с постоянным магнитным контуром, мощнее и стабильнее того, что был у него в подвале.

Паша подошел к терминалу:

— Вот, система рапортует об успешном запуске, а по факту застревает. Диагностика зеленая, логи чистые.

Моше сел, открыл журнал. Пролистал, запустил несколько команд.

— Когда началось?

— Позавчера.

— Что меняли?

— Ничего.

Моше прокрутил лог дальше, открыл последние изменения и ткнул в строку:

— А это что?

Паша наклонился к экрану.

— Логи в облако унесли. Локальное место закончилось.

Моше посмотрел на него из-под очков. Паша поморщился, брови полезли вверх:

— Йо, я на это два дня убил! Сейчас почищу место на диске и верну.

— Я бы просто увеличил тайм-аут, вот здесь.

— Йо, бро! — Он быстро вбил новое значение.

— И не забудь перезапустить. Через десять минут заработает.

— Это у тебя дома — десять минут. А у нас после полного рестарта стойка иногда три часа калибруется. Мы ее почти не выключаем, только сервисы дергаем. — Паша отвел глаза. — Не могу я столько ждать — у сына сегодня игра, полуфинал, я обещал. Они с «Хапоэлем» играют. Он первый раз в стартовой пятерке. Но Эйтан сегодня хочет. Почему он до воскресенья не может потерпеть?

— Оставь мне. Я запущу, дождусь и пришлю тебе репорт.

— Да что ты, не надо. — Рука Паши уже тянулась за сумкой. — Уверен? Там еще протокол тестирования после рестарта.

— Разберусь.

— Вот спасибо! — Паша на ходу натягивал куртку. — Я сейчас попрошу IT сделать тебе доступ в лабораторию, чтобы ты мог заходить без меня. Ты тут все-таки не чужой. Только закрой все за собой и кондиционеры выключи…

— Иди, не беспокойся. Сыну удачи.

Паша выбежал из лаборатории. Моше развернулся к монитору и зашел на Amazon. Вбил в строку поиска: «Профессиональные VR-очки с быстрой доставкой в Израиль».

* * *

Очки пришли недели через две. С тех пор Моше приезжал в офис каждый день, не пропуская праздников и выходных. Его жизнь обрела жесткий ритм: сон до полудня, ожидание вечера — и, наконец, три ночных прыжка.

Вот и сегодня он припарковался у здания SkyLight, когда красное солнце уже давно утонуло в водах Средиземного моря.

Телефон завибрировал.

— Да, Боря.

— Привет. Генерал звонил, они там вовсю тестируют установку.

— И как?

— Говорит, есть интересные выводы. Пока не готовы делиться деталями, но процесс идет.

Моше пытался вникнуть в слова Бориса, но перед глазами уже стояла узкая извилистая дорога, уходящая вниз от поселения к трассе.

— Понятно.

В мыслях привычно прокручивался маршрут: крутой правый, прижаться к обочине, поднять ручной тормоз…

— Ты меня вообще слышишь? Как ты там?

— Все нормально. Просто устал за неделю.

— Ладно, отдыхай. В воскресенье в офисе поговорим.

Сегодня была пятница, выходной, и Моше сразу спустился в подвал, не заходя в свой кабинет. Он приложил карточку к магнитному замку и вошел в прохладу пустой лаборатории.

Четыре утра. Моше стянул очки и уставился в потолок. Он так торопился проверить новый план с Гиладом, что совсем забыл про лимит. Завтра… Завтра у него снова будет три попытки. И тринадцать минут с Лизой.

Он открыл блокнот и пролистал несколько страниц. Журнал пестрел логами его ежедневных путешествий:

«27.07.2023 | 23:02 → 15.09.1991 | 01:20 — 02:20. Общежитие Лены. Подружки ушли погулять на час.

Примечание: неужели у нас все это было? Позвонить Лене?

...

02.08.2023 | 22:14 → 08.05.1997 | 12:40 — 13:40. Баад Эхад. Мама и Лена приезжали на церемонию окончания офицерских курсов. Весело.

Примечание: ничего не менял. Мама, люблю тебя.

...

18.08.2023 | 23:11 → 04.09.2008 | 07:55 — 08:55. Лиза стоит у ворот школы с этим ее огромным розовым рюкзаком. Ждет подругу. Забрал и гуляли весь час.

Примечание: не надо больше этого делать.

...

21.08.2023 | 21:33 → 12.03.2010 | 20:10 — 21:10. Финал лиги. Эльбит против Банка Леуми. Опять нашел точку при угловом на 87-й. Выиграли 2:1.

Примечание: второй раз подряд. Но ощущения уже не такие, как в первый раз.

...

12.09.2023 | 22:44 → 22.11.2019 | 06:50 — 07:50. Призывной пункт. Лиза в новой выглаженной форме. Смеется с девчонками. Обернулась, помахала нам с Леной. Мы с женой держались за руки и плакали.

Примечание: я все же обязан извиниться перед Лизой…»

Дальше шли десятки однотипных записей: тремпиада, фургон, секунды, угол поворота, автобус. Он перелистнул в конец и записал сегодняшние прыжки:

«07.10.2023 | 00:41 → 10.09.2020 | 08:10 — 09:10. Ралли. Не вписался в четвертый правый. Вылетел на обочину, перевернулся. Выбрался сам.

Примечание: тормозить за пять метров до знака 70 км в час, не позже.

07.10.2023 |01:48 → 10.09.2020 | 08:10 — 09:10. Ралли. Почти догнал фургон. Надо успеть на зеленый пред ним.

Примечание: нужно скостить как минимум 5 секунд».

«07.10.2023 | 03:12 → 10.09.2020 | 08:10 — 08:58. Ралли. Не тормозил перед автобусом. Перегнал фургон на 30 секунд. Забрал Лизу, но вернулись. Взял телефон Гилада. Застрелился после ее отъезда.

Примечание: план со звонком Гиладу или попробовать скостить еще десять секунд».

Он перевернул страницу:

«Механика. Сводная таблица.

Первое. Не больше трех прыжков за последние двадцать четыре часа.

Второе. Длительность — шестьдесят минут.

Третье. Условие входа — воспоминание должно быть активным. Спящее сознание система не находит.

Четвертое. Память сохраняется полностью: возвращаясь в прошлое, помнишь все, что произошло с тобой до момента прыжка.

Пятое. Прошлое не меняет настоящее».

Ниже добавил отдельной строкой:

«Шестое. Смерть в прошлом работает как досрочный выход из прыжка. Ждать конца часа необязательно».

Дважды подчеркнул последнюю строчку, убрал блокнот в ящик стола и вышел из лаборатории. Дорога была пуста, и уже через сорок минут он был дома. Глаза слипались, и последним, что он увидел перед тем, как окончательно провалиться в сон, были красные цифры на настенных часах: «05:12. 07/10/2023».

Глава 9. Седьмое октября

Моше с трудом открыл глаза, потер лицо и потянулся за телефоном. На экране блокировки висели пропущенные звонки вперемешку с новостями Ynet.

В WhatsApp скопилось с десяток непрочитанных сообщений от Лены.

07:10. «Мы в порядке. Не отвечаешь. Позвони».

07:30. «Почему столько ракет? Опять твой Биби не удержался, и мы кого-то грохнули?»

08:14. «У вас там что — нет сирен? Позвони».

08:19. «Мы не вылезаем из убежища уже два часа».

08:43. «Позвони, пожалуйста».

09:40. «У тебя все там нормально? Ты дома?»

10:22. «Ты дома? ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ОТВЕЧАЕШЬ???!!!»

11:10. «Позвони».

Лена ответила после первого гудка:

— Алло, ты в порядке?

— А что случилось?

— Ты что, только проснулся?

— Ну да — суббота.

— Ты опять нажрался вчера? Совсем уже не просыхаешь!

— Да не пил я. Я только под утро домой пришел — на работе такой аврал… Да скажи уже, что случилось?!

— Война у нас случилась. — Она перевела дыхание. — Мы с Эли в порядке, сидим с соседями в убежище. Так ты совсем ничего не знаешь?

— Нет. Давай сейчас новости посмотрю и перезвоню.

Он отключился. Выключил беззвучный режим, открыл Ynet.

Главный заголовок на весь экран, жирным:

«נתניהו מכריז: אנחנו במלחמה»[11].

На фотографии черный дым над жилыми домами. Правее — четыре строки меньшим шрифтом:

«Массированный обстрел приграничных районов, жителей призывают оставаться в домах.

Террористы прорвали границу на мотоциклах и пикапах.

Уличные бои в Сдероте и Офакиме».

Под снимком — полоса бегущей строки:

«11:00. ЦАХАЛ подтверждает: террористы захватили штаб дивизии Газа.

11:05. Тяжелые свидетельства из Беэри и с фестиваля в Реим, спасатели не могут добраться до раненых.

11:06. Морской десант: террористам удалось высадиться на пляже Зиким и добраться до базы.

11:08. Больница „Ихилов“ просит жителей сдать кровь».

Ниже тянулась сетка статей: раненые на носилках, белые пикапы с хамасовцами, горящие дома.

И посреди всего этого между двумя красными плашками маленький прямоугольник с фотографией мужчины в черной расстегнутой рубашке:

«В интернет утекли фотографии бывшего премьера Эхуда Барака: улыбающийся Барак с бокалом вина у унитаза».

---

[11] «זירכמ והינתנ: המחלמב ונחנא» (ивр.) — «Нетаньяху заявляет: мы в состоянии войны».

Террористы захватили штаб дивизии… Он смотрел на слова, пытаясь сложить их в смысл. Штаб — это не пограничный пост и не наблюдательная вышка. Как это вообще могло произойти?

Телефон непривычно пискнул: Telegram. Моше установил его полтора года назад, но уже давно туда не заходил.

Это было сообщение от школьного друга Ильи. Еще подростком он уехал с родителями в Лондон, но они с Моше каким-то образом умудрились не потеряться.

Илья: «Мишка, привет. Как вы?»

Моше: «Нормально. У меня тихо. Лена с Эли в Тель-Авиве, у них хорошее бомбоубежище».

Илья: «Да я не про ракеты. Смотрю видео с юга, как это вообще возможно?»

Моше некоторое время смотрел на экран.

Моше: «Не знаю. Разгильдяйство, праздники».

Илья: «Epic fail. Вы там занимаетесь хрен знает чем, как будто ХАМАСа уже нет».

Моше: «Я, главное, боюсь, как бы не зашло дальше».

Илья: «Дальше — это как?»

Моше: «Хезболла, Иран. Они же понимают, что будет ответ. Может, это все спланировано и скоординировано».

Илья: «До ответа надо свою территорию сначала очистить. Но bigger picture wise — who knows. Maybe».

Моше: «Сегодня очистят».

Илья: «Пока что так не выглядит. Там же взяли в заложники кучу народу».

Моше: «Я думаю, очистят. Все же там не сотни хамасовцев».

Илья: «А сколько? Выглядит как дофига на этих видео. Ты что, не видел видосы в телеге?»

Моше: «Нет, а что там?»

Илья скинул ссылки.

Желтый трактор-погрузчик методично, как на стройке, рвал ковшом секцию пограничного забора. В образовавшуюся широкую, как шоссе, брешь сплошным потоком ехали мотоциклы и пикапы, доверху набитые вооруженными людьми.

Белый «хайлюкс» затормозил посреди знакомого перекрестка у въезда в Сдерот. Из кузова выпрыгнули хамасовцы с автоматами, разбежались веером и принялись хладнокровно расстреливать проезжавшие мимо машины.

Моше свайпнул дальше.

Боевики в черных масках позировали на броне «Меркавы», вытаскивая раненого танкиста из люка. Вокруг лежали тела солдат с неестественно раскинутыми руками.

Девушка в розовой футболке сидела боком в кузове пикапа, едущего сквозь плотную ликующую толпу. Люди кричали и тянули к ней руки. Она смотрела прямо в камеру — в глазах застыли смятение и ужас.

Двор кибуца. Из дома выбежала овчарка и неуверенно залаяла на боевика у ворот. Тот рассмеялся и выпустил короткую очередь. Собака взвизгнула, упала и попыталась подняться. Еще выстрел — лапы подломились, пес заскулил и затих.

Моше не стал смотреть дальше, комок подступил к горлу. Он перешел в гостиную и включил телевизор.

В студии сидели двое известных ведущих. Мужчина застыл, глядя в бумаги, женщина нервно прижимала палец к наушнику.

— Мы принимаем звонок из Беэри. Алло, вы в эфире…

В трубке — тишина, потом почти неразличимый шепот:

— Они ходят по дому, разбили окно на кухне. Где армия? Почему никто не едет?

— Вы заперли дверь в мамаде? — голос ведущей предательски дрогнул.

— Да, где ЦАХАЛ?! Мы сидим с шести утра. Пожалуйста… Они убили Йосси.

Раздался глухой удар, за ним длинная автоматная очередь. Связь оборвалась. В студии повисла гробовая тишина. Ведущий открыл было рот, но так и остался сидеть, уставившись в стол.

Моше смотрел на экран, с силой сжимая телевизионный пульт.

Раздался длинный, непрерывный звонок в дверь. Он открыл — на пороге стоял Ральф в полевой форме, с аккуратно подстриженной бородой и двумя укороченными М4 на плече.

— Ты что не отвечаешь?

— Спал.

Ральф протиснулся мимо него в гостиную. На экране продолжался прямой эфир.

— Поехали.

— Куда?

— Мой малой должен был быть с друзьями на вечеринке в Реим, на «Нове». Ему места не хватило в машине. А теперь они все утро звонят ему и умоляют спасти.

— Какая еще «Нова»?

— Не знаю — это типа музыкальный фестиваль. Они там всю ночь должны были тусить.

— А где армия?

— Понятия не имею. — Ральф дернул щекой. — Я звонил в дивизию, ответила девчонка на телефоне: ничего не знает, каждые пять минут бежит в убежище. Командование еще дома сидит, всех отпустили на праздник.

Моше бросил взгляд на автоматы:

— Начальник охраны разрешил? Он же говорил, что пьяному идиоту не место в отряде самообороны.

— Я, честно говоря, не спросил. Да не тяни!

Моше развернулся и пошел в кладовку. Вытащил из старой потертой сумки форму, натянул штаны, накинул рубашку, зашнуровал высокие армейские ботинки. Мятая ткань пахла пылью и нафталином.

Ральф одобрительно осмотрел друга:

— Так ты у нас подполковник.

— Под конец повысили. На моей поедем?

— Окей.

Они вышли на улицу, вытащили разгрузки из машины Ральфа и закинули их вместе с оружием на заднее сиденье «шкоды».

На шестом шоссе привычного трафика не было вообще. Их несколько раз обогнали частные легковушки и джипы. За стеклами мелькали такие же, как они, мужчины в военной и гражданской одежде.

По радио продолжался непрерывный хаотичный эфир, растерянные голоса перебивали друг друга. Ральф убавил звук.

Позвонила Лена:

— Ты так и не перезвонил. Как дела?

— Все нормально. Вы там осторожней, сидите в убежище.

— Ты едешь куда?

— Лен, я не могу сейчас.

Он убрал телефон. Ральф продолжил смотреть в окно и ничего не спросил.

После съезда на двадцать пятую их остановил полицейский кордон. К окну подошел молодой патрульный в тяжелом керамическом бронежилете. Ральф опустил стекло. Полицейский заглянул в салон, задержался взглядом на автоматах на заднем сиденье, заметил погоны Моше.

— Мы на точку сбора, — Моше махнул куда-то вперед.

Патрульный помедлил секунду, потом кивнул напарнику, и тот оттащил пластиковый барьер в сторону.

Минут через десять на пустом шоссе показалась первая машина. Белый «хендай» стоял поперек дороги, передние двери распахнуты, лобовое стекло прошито пулями. За поворотом серый джип уткнулся носом в отбойник, кузов выгорел дочерна, из окна торчала обугленная рука.

Моше сбросил скорость. Справа на обочине — маленькая «мазда», вся в дырах от пуль, заднее стекло разбито. На асфальте рядом с водительской дверью лежал мужчина лицом вниз, рука вытянута вперед. На заднем сиденье в детском кресле обмяк ребенок лет пяти.

Ральф шумно втянул носом воздух:

— Суки…

Моше вдавил газ в пол.

Дальше машины попадались уже одна за другой — расстрелянные, брошенные, с распахнутыми дверями. Большой белый фургон еще тлел. Над асфальтом стоял горький, жирный запах горелого пластика и человеческой плоти.

Моше указал на колею, отходящую в сторону от дороги:

— В поле, через грунтовку.

Ральф кивнул.

Моше свернул и аккуратно повел «шкоду» по узким колеям с сухой стерней по обе стороны, стараясь не шуметь и не поднимать слишком много пыли. В открытое окно влетел треск автоматной очереди.

— Справа, за холмом! — закричал Ральф.

Моше ударил по тормозам, и машину повело на рыхлой земле. Они выскочили наружу и, пригнувшись, побежали вверх по склону. Ральф грузно дышал, но не отставал. Оба рухнули в пыль у самого гребня, выставив автоматы перед собой.

Внизу выстроились четыре белых пикапа, пулеметы смотрели в сторону дороги. С десяток боевиков суетились вокруг расстрелянного микроавтобуса. Двое волокли по земле тела — или еще живых людей — и забрасывали их в кузов, как мешки. Один методично в упор добивал кого-то в траве.

Ральф дернулся вперед, вскидывая М4.

Моше навалился на него сбоку, прижав ствол автомата к земле.

— Пусти! — захрипел Ральф.

— Лежать! — выдохнул Моше ему в ухо. — У них пулеметы. Мы не пробежим и десяти шагов.

Ральф замер, стиснув зубы.

Они лежали в пыли, вжимаясь в землю, и смотрели, как боевики, смеясь и перекрикиваясь, запрыгивают в машины. Моторы взревели, и колонна покатила в сторону Газы, увозя с собой тела.

Моше дернул Ральфа за плечо:

— Назад.

Они скатились с холма и побежали к машине. Вскоре «шкода» уже петляла по грунтовке между холмами; через несколько минут впереди открылась равнина.

Четверо в клубной одежде бежали зигзагами по стерне, за ними лениво катил квадроцикл. Водитель в черной разгрузке время от времени вскидывал ствол и пускал короткие очереди поверх голов.

— Не ребята моего малого, — сказал Ральф.

— Неважно.

Моше ударил по кнопке на потолке, люк пополз назад.

Ральф привстал, протиснул плечи в щель, уперся ногами в сиденье. Моше погнал навстречу квадроциклу. Ральф качнулся, поймал равновесие, вскинул автомат и выстрелил три раза. Квадроцикл вильнул, водитель сполз набок и покатился по земле.

Моше подлетел к ребятам и резко затормозил.

Девушка прижимала руку к окровавленному плечу, парень рядом перенес вес на здоровую ногу. Двое других неподвижно смотрели на Ральфа.

— Раненых назад! Быстро! — Ральф выскочил из машины и распахнул заднюю дверь.

Он втолкнул девушку и хромающего парня на заднее сиденье и сам втиснулся следом. Один из парней полез вперед рядом с Моше, второго Ральф дернул за руку внутрь, и тот рухнул сверху на остальных.

Из облака пыли на краю поля вынырнул белый пикап.

— Гони! — заорал Ральф.

— Всем вниз! — крикнул Моше и сорвал машину с места.

Очередь ударила в левый бок. Заднее стекло лопнуло и влетело в салон серой крошкой. Девушка на заднем сиденье вскрикнула и закрыла голову руками.

Перегруженная «шкода» с ревом неслась по вспаханному полю. Моше ловил тяжелый кузов в заносах, но не отпускал газ; ветки с визгом хлестали по бортам. Пикап на секунду показался справа и тут же исчез в пыли. Моше выкрутил руль, машина тяжело подпрыгнула и с глухим ударом выскочила на двадцать пятую трассу.

У приемного покоя «Сороки» машины «скорой» стояли в три ряда с распахнутыми задними дверями. Санитары везли каталки бегом, молодой парамедик кричал, требуя носилки. Вертолет заходил на посадочную площадку за корпусом. Вдоль стены на асфальте сидели люди в гражданском: парень держал голову руками, девушка рядом смотрела прямо перед собой. Женщина в разорванном платье пыталась на ходу что-то объяснить медику, но тот лишь замотал головой и побежал дальше.

Моше открыл заднюю дверь, и двое здоровых ребят подхватили своих раненых друзей и понесли внутрь.

— Мы даже не спросили, как их зовут, — сказал Моше.

Ральф привалился к капоту и взглянул на экран телефона.

— Вот малой пишет: с двенадцати от его друзей ни слова.

— Да, нехорошо… и через час-полтора стемнеет…

Ральф поднес телефон к уху:

— Кис, привет… Да, я в порядке… Нет, не нашли. Здесь такое творится… Не сейчас. Расскажу, как вернусь.

Он положил трубку.

У приемного покоя из очередной «скорой» выгружали сразу троих.

— Поехали домой, — сказал Ральф.

На выезде из Беэр-Шевы они остановились у придорожной шуармы. Молча ели, глядя на пустое шоссе.

Домой ехали в темноте, почти не разговаривая. За окном мелькали огни встречных машин — теперь на юг уже шли военные колонны. Ральф задремал на пассажирском сиденье, голова медленно клонилась к стеклу.

Фары выхватили высокий сетчатый забор с колючей проволокой поверху. У будки охраны поднялся шлагбаум, и Моше въехал в поселение. Они проехали вдоль рядов домов с красными черепичными крышами и небольшими ухоженными садиками за низкими оградами. Обычно шумная баскетбольная площадка была пуста, на улицах ни души — все сидели по домам, прилипнув к экранам.

Он высадил Ральфа, помог занести в дом автоматы и поехал дальше в гору, к себе.

В новостях показывали горящие дома в кибуцах, бои в жилых кварталах Сдерота, прямые попадания в Тель-Авиве. Счет погибших и заложников уже шел на сотни — точных цифр не знал никто.

Моше выключил телевизор и пошел в душ. Горячая вода смывала пыль и засохшую грязь с рук и шеи. Он стоял с закрытыми глазами, подставив лицо под струи, пока все вокруг не растворилось в пару.

Впервые за три месяца он уснул без прыжка.

Глава 10. Туннель

Телевизор в гостиной работал четвертые сутки без перерыва. Время слилось в один нескончаемый новостной выпуск.

Борис позвонил на второй день. Половину офиса забрали по «Цав 8»[12]. Они коротко обсудили, как поддерживать разработку системы оставшимися силами. Про поездку с Ральфом Моше решил не рассказывать.

После очередного прямого попадания в Тель-Авиве Моше предложил Лене переехать вместе с Эли на время к нему. Она поблагодарила, но вежливо отказалась. Он не настаивал.

Ральф приходил каждый вечер. Они сидели в гостиной напротив телевизора и обсуждали новости. Заглянул начальник охраны поселения, жал руку, звал обратно в отряд. Моше сказал, что подумает.

В среду Ральф пришел раньше обычного, покрутил в руках кепку, сел.

— Сын сегодня рассказал про своих друзей — тех, что на «Нове» были.

Моше ждал.

— Из всей компании выбрался только Илан. Девчонок увезли в Газу, а парней сегодня вечером опознали. — Ральф достал телефон. — Это они за час до всего этого.

Моше взял телефон и долго смотрел.

Ребята стояли, обнявшись, на фоне сцены и еще темного поля. Один — совсем мальчишка, в распахнутой рубашке. Рядом высокий кудрявый парень, две девушки в блестках и щуплый юноша с бутылкой пива в поднятой руке.

Ральф вздохнул:

— Это Илан, с пивом. Он рассказал, что неподвижно пролежал между трупами больше десяти часов. Завтра опять едем на похороны. — Он налил себе стакан виски и осушил его одним глотком.

Моше обнял его за плечи:

— Нам повезло, что мы остались живы. Ночью туда было нельзя возвращаться. У тебя трое детей и внук на подходе.

— Да, все так, все так… Мы с тобой молодцы.

Они досидели до конца ночного выпуска. Проводив Ральфа, Моше выключил телевизор и пошел спать.

Следующим утром он сидел за кухонным столом и механически листал Facebook. Еще неделю назад здесь спорили о реформе и выборах. Он остановился на знакомой фамилии — та самая женщина из НКО, что возила детей из Газы на лечение в израильские больницы. До войны они пару раз сцепились с ней в комментариях. Она писала, что палестинцы и израильтяне хотят одного и того же — жить, растить детей, чувствовать себя в безопасности. Что насилие рождает насилие, что пока мы не увидим в них людей, они не увидят людей в нас. Моше возражал зло, без церемоний, а она отвечала ему так, будто разговаривала с трудным учеником, и это бесило его еще сильнее.

В голове сам собой сложился текст: «Ну что, ты видела видео из кибуцев? Видела, как они заживо сжигали людей? Видела праздник на их улицах? Это цикл насилия? Опять скажешь, что они просто хотят жить и растить детей?»

Он открыл пост. Писала ее дочь:

«Моя мама, Рути, погибла седьмого октября в кибуце Нир-Оз. Похороны…»

[12] «Цав 8» (ивр. צו 8) — экстренная повестка о немедленном призыве резервистов в Армию обороны Израиля.

Ниже шли фотографии. На одной она стояла в саду с секатором в руке и улыбалась в камеру. На другой обнимала двух внуков. Тысячи лайков, короткие фразы соболезнования.

Моше поставил сердечко и листнул дальше.

С экрана смотрел Томер на фоне армейской палатки:

«Если честно, не думал, что снова окажусь в форме. Пять лет назад я отслужил положенное в резерве и был уверен, что уже отдал свое. Но на этой неделе каждое утро приходил на работу и не мог сосредоточиться, как и все вокруг. Каждый день в обед ездил в батальон, помогал чем мог: привезти, разобрать, позвонить, дотащить. Батальон оказался единственным местом, где душа хоть немного успокаивается посреди этого безумия. В понедельник подписал документы на возвращение в резерв, сегодня утвердили. Теперь победить».

Моше закрыл Facebook и нашел его номер в контактах. Томер ответил почти сразу, будто ждал звонка:

— Моше, привет! Какими судьбами?

— Видел тут твой пост.

— Ах да, пост… Слушай, здесь такое творится… Мы вчера с ребятами из хозяйственной увели из-под носа у десантников целый контейнер с новым обмундированием. Те до сих пор ищут виноватых.

— Как батальон?

— Собираемся. Половина уже здесь, обзваниваем остальных, пожертвования принимаем. Вчера один дед на такси привез двадцать пар берцев — новые, в коробках.

Моше посмотрел в окно на каменистый склон.

— Я загляну к вам сегодня.

— Ага, давай… Не туда, дебилы, там же патроны! Да иду я!

Моше выключил бубнивший в гостиной телевизор. Переоделся в форму, пристегнул кобуру к поясу, собрал сумку. Закинул ее в багажник и выехал из поселения.

* * *

Он бросил «шкоду» за километр до ворот базы Цеэлим в длинном ряду запыленных гражданских машин и пошел пешком.

В воздухе висела густая песчаная дымка. Вилочные погрузчики носились между рядами брезентовых палаток, развозя бутыли с водой и зеленые ящики с боеприпасами. Сотни резервистов в полевой форме сидели на земле, курили, перебирали снаряжение. Молодой солдат в кипе волок коробку с надписью «Рубашки, Large», за ним семенила полная женщина лет шестидесяти с двумя пакетами из супермаркета. У ворот стоял маленький столик, две девушки лет семнадцати разливали кофе из огромных термосов и протягивали бумажные стаканчики проходящим.

Моше вдохнул знакомый запах солярки и оружейного масла, огляделся, пытаясь зацепиться за знакомое лицо.

Солдаты передавали ящики по цепочке от фур с откинутыми бортами к ангарам батальона 7220. Кто-то катил тележку с канистрами.

— Моше! — Из-за джипа к нему бежал Роман. Они обнялись, и тот захлопал его по спине обеими руками. — Ты приехал!

— Рома!

Роман разомкнул объятия:

— А ты вообще не изменился!

— Да и ты тоже, если не считать вот этого, — Моше хлопнул его по животу.

— Десять часов за рулем, брат. Но нам сейчас это быстро скинут.

— Такси?

— Автобусы, девять автобусов у меня… Идем, Томер сказал, что магад[13] хочет тебя видеть. — Роман потянул его за рукав. — Ты все еще в «Элбите»?

— В стартап ушел. Так у тебя свой бизнес? Женат? Дети?..

Роман достал телефон. На заставке три девочки разного возраста красовались на фоне лыжного склона.

— Пойдем к магаду, его Габи зовут.

Они свернули с дороги и двинулись к палаткам, обходя штабеля ящиков. Романа то и дело окликали — спрашивали про рации, просили ключи от склада, звали помочь с разгрузкой. Тот отмахивался и лишь прибавлял шагу, пока не подвел Моше к палатке с табличкой «Штаб 7220»:

— Дальше сам. Я на складе, «хаммеры» принимаю, если что.

Моше откинул брезентовый полог и вошел.

Магад сидел за раскладным столом в глубине палатки. Лет сорока пяти, коротко стриженный, с серым лицом человека, который не спал трое суток. На стене висела карта сектора, рядом белая доска с фамилиями и торопливо написанными цифрами. В углу гудел вентилятор. На полу стояли коробки с сухпайками, у ножки стола валялся чехол от бронежилета.

Он поднял голову, взглянул на погоны Моше и встал из-за стола.

— Моше Шалит? — Моше кивнул. Они пожали друг другу руки. — Габи Оз. Наслышан о тебе. Записался добровольцем?

— Еще нет, а где и как?

— Я пришлю к тебе офицера по персоналу, оформит… Слушай, давай сразу к делу. У меня в «Бет» ротный Илай Долев. Классный парень, но опыта мало. Будешь куратором, поможешь ему вести роту?

— Буду.

Габи потянулся к рации:

— Долев, зайди ко мне.

Илай появился минуты через три — невысокий, быстрый, с картой под мышкой. Моше дал бы ему не больше тридцати.

— Илай, это Моше, он был ротным в «Алеф». Твой куратор.

— Понял, спасибо. — Илай протянул Моше руку. — Пойдемте, по дороге введу вас в курс дела.

На ходу он раскрыл блокнот:

— У нас сейчас шестьдесят два человека, ждем еще восемнадцать к вечеру. Снаряжение почти полное, с бронемашинами пока вопрос.

— «Намеры»[14]?

— Да, но старые.

— Хоть не «пумы». Ночуем где?

— Вон те пять палаток наши.

Из-за ящиков с продовольствием вышел седоволосый мужчина с сержантскими нашивками:

— Шалит, ты здесь!

— Привет, Йони. — Моше пожал ему руку. — Как мама?

— Да все наладилось.

У крайней палатки курили двое солдат. Один заметил Моше, махнул ему и толкнул второго локтем. Тот обернулся и молча посторонился, освобождая проход.

---

[13] «Магад» (ивр. מג"ד, сокр. от דוגמ דקפמ, букв. «командир батальона») — командир батальона в Армии обороны Израиля.

[14] «Намер» (ивр. רמנ — «леопард») — тяжелый израильский бронетранспортер, созданный на базе танка «Меркава». «Пума» — бронированная машина инженерных войск старого поколения.

* * *

4 ноября 2023. Газа, Западная Джабалия.

Вход в туннель скрывался под навесом из рваного брезента во внутренней комнате полуразрушенной велосипедной мастерской.

Карим откинул крышку круглого люка и спустился по металлическим скобам. Внизу узкий проход сворачивал вправо и выводил в главный туннель. Здесь уже можно было идти в полный рост. Над головой тянулись кабельные трассы в пластиковых коробах, по стенам через равные промежутки шли крепления под вентиляцию. Через каждые двадцать метров стояли опоры. Под ногами скрипел сухой песок — вода после последнего дождя ушла в боковой дренаж.

Карим провел ладонью по стене. Поверхность гладкая, швы на стыках плит едва заметны. Он помнил каждый метр, каждый залитый куб раствора. Вот здесь пришлось менять угол, когда сверху пошли старые трубы. А тут он лично заставил все переделать, потому что вентиляционный короб ушел на три сантиметра ниже расчетного.

Наверху глухо ухнул разрыв. Мелкая пыль осыпалась с потолка на плечи, но свод не дрогнул. Он смахнул бетонную крошку с рукава.

Из бокового ответвления показался неровный свет налобного фонаря. Молодой хамасовец в черной маске двигался быстро, автомат мерно лязгал о стены.

— Инженер. — Боец остановился, перевел дыхание. — Первый заряд сразу, как они войдут, или ждать?

— Пусть дойдут до второй опоры — нужно пропустить их глубже.

— А туннель не сложится весь?

— Нет, только одна секция за ними.

Боец кивнул и отступил в тень.

Карим еще раз провел ладонью по бетону: жаль взрывать, по-настоящему жаль. Но они все равно придут сюда и заберут его туннель, как забрали землю предков и дом его родителей. Эти наглые израильские свиньи, как всегда, думают, что имеют на это право.

Так что пусть идут — он готов их встретить.

В глубине туннеля раздался едва слышимый шорох ботинок по бетону. До Карима донесся невнятный шепот.

Он шагнул назад и встал рядом с бойцом.

В темноте обозначились три силуэта. Они шли пригнувшись, держась ближе к стене. Впереди на коротком поводке кралась собака, голова опущена, нос у пола. У второй опоры она замерла, подняла голову и тихо зарычала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.